

Гарольд Лэмб
Бабур-Тигр. Великий завоеватель Востока
Серия «Nomen est Omen»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144022

*Бабур – Тигр. Великий завоеватель Востока / Пер.с англ.Л.А.Игоревского: Центрполиграф;
Москва; 2002
ISBN 5-227-01337-3*

Аннотация

Эта книга – беллетризованное жизнеописание потомка Тимура и Чингисхана, основателя династии Великих Моголов, в которой ярко повествуется обо всех значительных событиях эпохи его правления. В ней оригинально сочетаются авторская интерпретация исторических фактов и фрагменты из «Бабур-наме» – автобиографического произведения самого Бабура, что позволяет читателю зримо ощутить атмосферу ушедшей эпохи.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1 Долина	9
Картины на стене	9
Низвержение голубятни	12
«Как галька, выброшенная на берег»	16
Отсутствие Султан Али	19
Сто дней в Самарканде	22
Бабур становится воинственным изгоем	26
Глава 2 Изгнание из Самарканда	31
Женщины	31
Милость Шейбани-хана	35
Сражение у переправы	39
«Беглецы думают только о бегстве»	42
Под знаменами Чингисхана	46
Стрелы в темноте	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Гарольд Лэмб Бабур – Тигр. Великий завоеватель Востока

Предисловие

По христианскому летосчислению Бабур родился в 1483 году, в одной из долин, расположенных в горных районах Центральной Азии. Кроме этой долины, у его семьи не было другого достояния, если не считать двойной традиции власти. По линии матери род мальчика восходил к самому Чингисхану – повелителю монгольского улуса, едва не ставшему покорителем вселенной в ее известных тогда пределах, а по линии отца его предком был Тимур-и-Лэнг – Железный Хромец, воинственный тюрк, которого европейцы именовали Тамерланом. Таким образом, военный опыт и необузданность монголов смешались в его крови с напористостью тюрков. Двойное наследство имело и более глубокие корни – общее происхождение от кочевых народов.

С незапамятных времен кочевые племена Северной и Центральной Азии существовали за счет скотоводства и охоты, в которой проявляли исключительную сноровку. Дорогами им служили пересохшие русла ручьев, земельными наделами – пастбища среди пустынь, а убежищем – поросшие лесом горы. В поисках безопасных мест обитания и лучших пастбищ они мигрировали через заснеженные перевалы со всем своим имуществом – овечьими отарами, табунами лошадей и крытыми войлоком шатками юртами. Время от времени, вдохновляемые каким-нибудь влиятельным главой рода, кочевые племена объединялись в захватнические орды, включающие в себя всех способных держать в руках оружие мужчин. Воины на выносливых, хоть и низкорослых степных конях были вооружены луками-сагайдаками и носили кольчуги либо безрукавки из толстой кожи для защиты от вражеских стрел. Покидать свои богом забытые уделы их вынуждала засуха, или более сильные племенные союзы, или алчная зависть к роскоши далеких городов. Грабительские набеги кочевников повторялись с привычной регулярностью природного явления. В отдаленной Западной Европе появление первых волн гуннов, аваров, болгар, тюрков и монголов порождало слухи о гневе Господнем и выходе из заточения племен Гога и Магога.

Что касается Бабура, то образ жизни его предков был для него в значительной степени лишь воспоминанием. Впрочем, кочевнические инстинкты были в нем все еще сильны, несмотря на то что именно кочевников он считал своими заклятыми врагами.

Мигрирующие племена Центральной Азии развили в себе особые способности. Непрерывная борьба с суровым климатом способствовала выносливости и предприимчивости; необходимость защищать свое жилье, стада и более слабых домочадцев превратила их в опытных организаторов. Утверждение о том, что во время военных действий свирепые конники не раз доказывали свое превосходство над изнеженными горожанами, давно превратилось в избитую истину. И лишь изредка можно встретить суждение, что их превосходство объяснялось острым умом и способностью приспосабливаться к обстоятельствам. Один из первых миссионеров-римлян заметил, что в ходе военных действий «татары» проявляли себя куда меньшими варварами, чем воины христианской Европы. Почти за поколение до Бабура кочевые племена турков-османов захватили практически неприступный Константинополь, и это объяснялось не столько превосходством в силе, сколько великолепной организацией переправы через Босфор, а также использованием новейшей осадной артиллерии.

Завоевания древних победителей – ханов и султанов из Центральной Азии – подтверждают их незаурядные способности к стратегии. В течение двух поколений широкомасштабные военные действия под знаменами Чингисхана стерли с лица земли множество городов, освободив место для нового строительства. Хубилай-хан, правитель Китая, который монголы называли Великим Юртом, вряд ли мог распорядиться о возведении «величественного прекрасного дворца», однако построил резиденцию в охотничьих угодьях и отремонтировал торговые дороги, как свидетельствовал мессир Марко Поло. При своем организаторском таланте монгольские ханы обладали чувством ответственности за весь мир. Их китайская династия Юань стояла во главе обширной империи; ильханы в Персии, обосновавшись в культурном Тебризе, взяли под свое начало крайне дезорганизованные территории и применяли научные методы руководства. Позднее османы основали крупное государство – Османскую империю (в Европе ее именовали Оттоманской) – и сделали своей столицей Константинополь, в котором до их прихода царил глубокий застой. Именно в это время Камбалу, Тебриз и Константинополь, прежде не поддерживавшие между собой никаких отношений, установили дипломатические и торговые связи. Установившийся мир, часто называемый монгольским, был в большей степени результатом умелого правления, чем возросшей военной мощи. Таким же был и *pax Romano*¹ за тысячу лет до пришествия монголов.

В то время как железная рука Рима поддерживала порядок, основанный на жесткой системе законов, монгольские ханы исходили из правил, предписанных Ясой – кодексом жизни кочевников, составленным по приказу и при участии Чингисхана. Великий завоеватель предугадал возвышение кочевой знати – «всех тех, кто живет в войлочных юртах», – над подвластным ей земледельческим людом. Сила степной знати должна была, по его убеждению, основываться на непобедимом войске орды; контроль за армией поручался лишь его собственным потомкам – *Алтын Уруку*². Единственными советниками правящего Золотого рода могли быть нойоны – умудренные в боях полководцы. Однако великий завоеватель не мог предвидеть, что его потомки получат совсем иное воспитание.

За два поколения многие из них совершили свой последний переход – в чужие богатые города. Уместно заметить, что раньше, чем внук Чингисхана Хубилай окончательно завоевал Китай, одержав победу над вымирающей династией Сун, Китай покорил самого Хубилая. Важную роль в расколе Золотого рода сыграли и вопросы религии. В эпоху своих завоеваний тюрки и монголы были язычниками, терпимыми – или безразличными – к религиям других народов. Постепенно монархи династии Юань склонились к буддизму, а ильханы Персии – к исламу. В действительности при жизни Бабура на обширных территориях, простиравшихся от скованных льдами плато Тибета до далеких берегов Волги, традиции Ясы оказались вытеснены строгими законами ислама. В этом сражении Чингисхан потерпел поражение от Мухаммеда.

Таким образом, слившись с чуждыми цивилизациями, потомки завоевателя отдалились друг от друга, а степная знать – монгольские нойоны и тюркские тарханы – постепенно рассеялись среди культурного общества оседлых землевладельцев, торговцев, а также их философских и религиозных наставников. И снова, повинувшись естественным законам, начал разгораться конфликт между уцелевшими кочевыми племенами и оседлым населением. Две области из тех, что Чингисхан пожаловал во владение своим сыновьям, не изменили кочевому образу жизни и в большей или меньшей степени придерживались законов Ясы.

Распространение тюрко-монгольских завоеваний породило значительные перемены в примыкающих государствах – вплоть до берегов Дуная, затронув

---

¹ Римский мир (*лат.*).

² Алтын Ур у к – золотой род, золотое племя (*монг.*). (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.*)

Киевскую Русь и граничащие с ней польско-литовские княжества. Однако на родине самих монголов и тюрков мало что изменилось. По-прежнему кочевые племена разрушали городские поселения, щадя, однако, центры караванной торговли, и, борясь за господство, раздували очаги вспыхивавших, как эпидемии чумы, столкновений между разными племенными союзами.

Скудные степи, лежащие между реками Урал и Иртыш, на северо-западе Ферганы, родины Бабура, относились к вотчине Джучи – старшего и наиболее непоседливого из сыновей завоевателя. Во время правления Бату, сына Джучи, кочевая орда стала известна в Европе под названием Золотая Орда, – возможно, такое название объяснялось великолепием построек, установленных вдоль восточного берега Волги. Это о них Чосер писал:

В татарском граде Сарра проживал
Царь, что нередко с Русью воевал³.

Ханы из рода Джучи, живущие вдали от всех цивилизаций, не считая той, что существовала за стенами городов Руси, не искали сближения с остальными ханствами. Распространение ислама в этих мрачных степях происходило очень медленно. После того как центробежная сила расколола Золотую Орду, часть ее осколков, отброшенная к востоку от Волги, стала называться кипчаками или народом пустыни. Однако приблизительно в то же время, когда османы захватили Константинополь, начал образовываться новый стержень и среди кипчаков, называвших себя узбеками, что, как предполагали некоторые этимологи, происходило от тюркского словосочетания «*ozu bek*» – «сам себе голова» (точная этимология этого слова неизвестна). Вооруженные луками узбекские всадники повели активное наступление на земли, принадлежавшие роду Чагатая.

Чагатай был вторым сыном Чингисхана. Его владения находились в самом сердце Центральной Азии и охватывали часть плато Тибета. Они включали в себя степи и пустыни, простирающиеся до горной гряды, где Тянь-Шань встречается с Гиндукушем и облачными вершинами Памира. Весьма вероятно, что эти земли также были населены кочевниками, как и степи, принадлежащие узбекам. Однако кое-где островкам цивилизации все же удавалось устоять, в особенности там, где пересекались торговые пути, или неподалеку от святилищ – несторианских христиан или мусульманских, не имело значения. Такие центры, как Кашгар, Алмалык и Бишбалык, выстояли во время первого монгольского нашествия, а затем перешли к потомкам Чагатая. При них-то и пошатнулись древние законы Ясы. Храня свои сокровища за крепостными стенами городов, они, вместе со своими племенами, продолжали кочевать с зимних пастбищ, расположенных по берегам рек, на горные летние пастбища и обратно. Эти потомки Чагатая превратились в довольно неотесанную знать, престолом которой служила конская спина. Они пребывали в глубоком невежестве и не имели собственной письменности, однако вели между собой постоянные распри. Их главным городом был Кашгар, лежащий к востоку от горной гряды и в то время находившийся в зоне китайского влияния. Эта страна была известна под названием Моголистан – Страна монголов, которые, по свидетельству китайцев, ничем не отличались от разбойников.

Ханы, проживавшие к западу от горного барьера, старались оправдать звание потомков Чагатая. Их цитаделью стал обнесенный крепкими стенами Ташкент, расположенный в стороне от изъезженных степей, где проходил Великий Северный путь, которым следовали караваны, привозящие из Китая шелк. Они с трудом обороняли свои пастбища от вторжения язычников-киргизов и кочевых казахских племен, к тому же их земли лежали прямо на пути переселения узбеков, перемещавшихся на юг. К этой ветви Чагатаев и принадлежал Бабур

---

³ Перевод О. Румера. Сарра комментаторы возводят к слову «Сарай», как называли ставку Батыя. (Примеч. перев.).

– потомок сурового властителя Ташкента – Каменного города, который не мог правильно произнести имя своего внука.

Юго-западные окраины вотчины Чагатаев разительно отличались от остальной территории. Между двумя реками, несущими свои воды к Аральскому морю, плоскогорье прорезали плодородные долины. Здесь два древних города образовывали некие островки культуры среди полноводного океана кочевников. Бухара обязана своим расцветом многочисленным святыням и мусульманским учебным заведениям; Самарканд прославился благодаря торговле и роскоши своих дворцов. Вокруг них, на орошаемых полях развивалось земледелие. Вдоль этой цепи долин, протянувшейся между

Амударьей и Сырдарьей, ислам практически вытеснил древнюю Ясу. И именно отсюда в конце четырнадцатого века начал свое восхождение единственный великий тюрк, Тимур-и-Лэнг. Тимур сделал Самарканд своей цитаделью и превратил его в богатый город, свозя сюда добычу после набегов. Железный Хромец высоко держал знамена ислама и водил свои войска против орд кочевников, рассеяв остатки Золотой Орды Батыя и Чага-тая, включая и ханов Моголистана. В последние годы своей жизни Тимур возвеличил Самарканд, разграбил земли Северной Индии, разгромил армию султанов Османской империи и добился того, что имя Тамерлан сеяло ужас в далекой Европе. Он умер в 1405 году, направляясь в Китай, где восходила звезда новой династии Мин, сменившей старую династию Юань.

Несмотря на то что столицей этого недолговечного государства был Самарканд, оно ориентировалось на западную персидскую культуру. Персидские ремесленники изготавливали изразцы для его дворцов, возвышавшихся в окружении садов, персидские поэты увековечивали подвиги великого завоевателя, который довольствовался титулом «эмир». Однако Тимур не был истинным потомком Чингисхана, имя которого он распорядился высечь на своем надгробии лишь для того, чтобы возвеличить собственные достоинства.

Войны Тимура закончились, и началась эпоха Возрождения Тимуридов – самый славный период в искусстве Центральной Азии. Правление его сына в Самарканде и внука – в Герате ознаменовалось расцветом просвещения и искусства, уподобившим эти города западной Флоренции. В течение ближайших сорока лет длился мир и все нити политической жизни государства находились в руках наследников Тимура. В 1465 году Абу Саид, принадлежавший к роду Тимуридов, провозгласил себя правителем земель, простиравшихся от Кавказских гор до Кашгара. Тогда же узбеки, наследники улуса Джучи, начали свое восхождение к власти, опираясь на законы Ясы, забытые наследниками Тимура.

После 1465 года между Тимуридами разгорелось соперничество, и тот из них, кому достался самаркандский престол, не стал прилагать особые усилия для справедливого раздела владений между своими братьями. Одному из них достался расположенный на юго-западе Герат, где царил искусство; другой брат завладел вершинами Гиндукуша, откуда брали свое начало великие реки Амударья и Сырдарья; третий брат захватил южные области и Кабул, лежащие у подножия Гиндукуша и населенные афганцами. Самому слабому из братьев досталась Ферганская долина, расположенная в восточных областях владений. Это и был отец Бабура.

Можно сказать, что судьба обошлась с Бабуром довольно бесцеремонно, когда в результате падения Тимуридов забросила его в эту забытую богом долину, лежащую у подножия заснеженных вершин, – пусть даже и неподалеку от Каменного города, оплота монгольских Чагатаев. Ферганскую долину, на протяжении долгих месяцев отрезанную от внешнего мира снегами, питал единственный ручеек – караванная дорога, идущая из Самарканда к пограничным постам Китайской империи. По сути дела, долина служила границей между землями кочевников и по-прежнему великолепным Самаркандом – между земледельцами и охотниками, наукой и варварством. Далекая и ничем не примечательная, она, казалось, была обречена на безвестность.

Однако в ее судьбу вмешалось перо Бабура. На малоизвестном чагатайском наречии⁴ он составил и записал историю Ферганы и своей собственной жизни (в книге цитируется по «Бабур-наме», Ташкент, 1958, в пер. С. Азимджановой. – *Примеч. ред.*). В молчании той эпохи Бабур заставил услышать свой голос.

Читая эти записи, сделанные пять столетий назад, мы как будто внимаем рассказу, поведанному нам у вечернего костра, когда, спешившись с коня, Бабур устраивался у входа в свой шатер, закончив преследование или, что случалось значительно чаще, ускользнув от преследования врагов. День за днем Бабур рисует перед нами картины эпохи, предшествовавшей приходу европейцев, явившихся, чтобы прибрать к рукам сокровища Востока.

В тогдашней Европе, на малоизвестном острове Англия, могущественный дворянин замыслил сместить юного короля Эдуарда и взойти на престол под именем Ричарда III; на противоположных берегах бурного Ла-Манша десятилетний Байяр проходил период своего ученичества, прислуживая на турнирах и мечтая о звании кавалера, чтобы совершать подвиги во славу французской лилии. Дальше к востоку монах Савонарола проповедовал о спасении души, запугивая собравшиеся толпы неотвратимостью кары Господней. В тот период Европой можно было считать лишь территории до восточных замков тевтонских рыцарей, посвятивших себя крестовым походам против язычников, населявших берега Балтики. Португальские эскадры рыскали вдоль западного побережья Африки в поисках пути в восточные страны. Среди участников одной из таких экспедиций нашелся особенно упрямый морской волк, заявивший по возвращении в Лиссабон, что до Азии можно добраться, держа курс на запад, – через океан. Однако требование Христофора Колумба дать ему каравеллы, чтобы повести их в этот поход, осталось в те годы без ответа.

---

⁴ Современные языковеды называют этот язык староузбекским.

Глава 1 Долина

Картины на стене

Бабур родился в 1483 году, в самый разгар зимы, когда снег завалил горные склоны до самых вишневых садов и перекрыл перевалы, так что в долину можно было добраться лишь по вьющейся вдоль реки самаркандской дороге. Долина оказалась практически отрезанной от внешнего мира. В эти дни среди женщин, вывесивших ковры из окон ветхого дворца, поднялось ликование – родившийся младенец был первым мальчиком в семье. Его сестре уже исполнилось пять – достаточно, чтобы взять новорожденного под свое покровительство.

Со всех концов долины съезжались преданные Омар Шейху старейшины племен и правители городов, рассчитывавшие в обмен на поздравления получить от счастливого отца достойное угощение. Дела у Омар Шейха, человека более великодушного, нежели прозорливого, в последнее время шли не блестяще. Выпив запретного вина вместе с пожелавшими присоединиться к нему гостями, он велел позвать прорицателя, чтобы услышать счастливое предсказание судьбы Бабура, после чего продолжил пирушку, поминая пророчества «Шахнаме»⁵ чаще, чем суры ортодоксального Корана. В воображении Омар Шейха вставляли тени его великих предков. До сих пор его любимым коньком было разведение голубей: он души не чаял в своих птицах, разносивших его послания, и терпеливо обучал их выполнению разнообразных трюков, зорко следя за тем, чтобы поблизости не появлялся сокол. С рождением Бабура Омар Шейх всем сердцем привязался к мальчику.

Когда Бабур подрос и начал делать собственные выводы, за суетливой добротой отца он распознал бессилие.

Омар Шейх «отличался большой щедростью, и нрав его соответствовал его щедрости. Он был государь с высокими помыслами и великими притязаниями и всегда имел стремление к захвату чужих владений. Он неоднократно водил войска на Самарканд, иногда терпел поражение, иногда возвращался против своей воли. Он был четвертым сыном султана Абу Саида-мирзы (последнего, кто сумел собрать воедино осколки империи Тамерлана). Он был невысокого роста, тучный, с круглой бородой. Халат он носил очень узкий и, стягивая пояс, убирал живот внутрь; если же, стянув пояс, он давал себе волю, то завязки часто лопались. В одежде и пище он был неприхотлив; чалму обвертывал, опуская концы вниз. Летом везде ходил в монгольской шапке.

Омар Шейх-мирза был человек чистой веры; он не пренебрегал пятикратной молитвой и часто читал Коран; чаще всего он читан «Шахнаме». Это был добродушный... человек, смелый и отважный муж это был. Стрелял из лука он посредственно, но здорово бился на кулаках; ни один йигит не мог устоять под ударом его кулака... В прежние времена он много пил, но позднее устраивал попойки раз или два в неделю. Он был человек влюбчивый... а также постоянно играл в нарды, а иногда и в кости».

В отличие от отца мать Бабура всецело посвящала себя заботам о хозяйстве, вынужденном жить плодами собственного труда. При дворе она получила прозвище Моголка, поскольку ее отцом был Юнус-хан, монгольский правитель Каменного города. (Слово «монгол» произносилось в долине «могол».) Хотя она умела читать и наслаждение поэзией было

---

⁵ «Ш а х н а м е» («Книга царей») – поэма великого персидского поэта Абулькасима Фирдоуси, мифологизированная история древнего Ирана.

ей не чуждо, времени на подобные удовольствия у нее почти не оставалось: она следила за детьми и, как могла, поддерживала пышность своего маленького двора – такого жалкого в сравнении с Каменным городом, где она провела свое детство, пока не стала женой импульсивного толстяка, одержимого голубями, вином и призрачными мечтами о победах.

Только через год ее родители приехали с севера, чтобы лично поздравить ее с рождением сына, —

Юнус-хана задержал отъезд родственников – монголов из рода Чагатаев, которые упорно держались за привычный для них образ жизни и кочевали вместе со своими стадами, захватывая добычу во время набегов. Юнус-хан не менее упорно держался за новый образ жизни, надеясь привить основы торговли и религии своему воинственному народу и, с удобством расположившись в яблоневых садах, стремился подражать мудрости Хафиза. Будучи человеком хитрым, Юнус-хан объединял своих соплеменников, готовя их к новым завоеваниям. Он был привычен к превратностям судьбы и без колебаний переселился из тюрьмы во дворец, едва лишь великий Абу Саид призвал его – прямого потомка Чингисхана – из узилищ Персии на ханский престол, отдав ему во власть осколки империи Чагатаев.

Юнус-хан, везущий подарки своему внуку, вступил в долину в полном блеске своего величия, – он ехал во главе вооруженного отряда, под завывания труб и грохот барабанов, осеняемый конскими хвостами монгольских штандартов. Тучный Омар Шейх поспешил к нему навстречу на расстояние одного дня пути, – такая поспешность объяснялась отчасти уважением к царствующему хану, отчасти сомнениями, может ли он рассчитывать на помощь опытного старого монгола или же тот, напротив, отнимет у него еще часть земель. «Несколько раз, – вспоминал впоследствии Бабур, – он призывал к себе своего тестя Юнус-хана. Призвав его, Омар Шейх-мирза всякий раз давал ему какую-нибудь область, и даже Ташкент [Каменный город], который одно время был во власти Омара Шейха-мирзы».

На этот раз Юнус-хан прибыл в мягком расположении духа, и, присутствуя в качестве главы семьи при первом бритье головы Бабура, наградил его этим прозвищем после безуспешных попыток выговорить данное ребенку при рождении имя Захиреддин (в переводе с арабского «хранитель веры») Мухаммед. Старый монгол воскликнул, что мальчик напоминает ему тигренка. Прозвище сохранилось за будущим завоевателем на всю жизнь⁶.

Во время этого визита ребенок сумел завоевать и сердце своей бабушки, Исан. Она носила тонкий белый платок без наличного покрывала и дорожный халат, отделанный темным соболем, и все женщины молча склонялись при ее появлении. Имя Исан было окутано легендами, восхваляющими ее женскую доблесть. Юнус-хану исполнился сорок один год, когда он сделал ее своей женой, взяв из отдаленного племени, – уже тридцать лет молодая женщина разделяла с ним злоключения и триумфы и сама кормила его из своих рук из-за усиливающегося паралича. Однажды, когда Юнус-хану пришлось выехать за восточные пределы Моголистана, чтобы раздобыть зерна у своих родственников, Исан попала в руки его кровного врага, который отдал ее одному из своих приближенных. Исан подобающим образом встретила своего нового повелителя, а затем, помогая ему раздеваться, убила его, о чем и велела сообщить своему захватчику, объяснив, что он может лишиться ее жизни, но не заставит принадлежать никому, кроме Юнус-хана. Ее с почестями отправили обратно к мужу. Исан не имела никакого образования, кроме сурового жизненного опыта, но обладала присущим кочевникам чутьем на всякую опасность и умением ловко ее избегать. Ее бдительность впоследствии не раз сослужила Бабуру хорошую службу.

Сам же Юнус-хан предстал перед Всевышним за год до того, как Тигра, как все называли мальчика, взяли в его первое путешествие в Самарканд. В свои пять лет он уже был

---

⁶ Б а б у р – видоизмененное в соответствии с тюркской фонетикой слово, означающее тигра и заимствованное из персидского языка.

в состоянии оценить чудесные дворцы, стоящие среди величественных садов, и многочисленные усыпальницы под куполами, голубые изразцы которых горели на ослепительном солнце. Неизвестно, что поразило его больше – Гур Эмир, гробница легендарного Тимура, выточенные из слоновой кости фигурки животных на китайской пагоде или загадочный бестелесный голос, откликавшийся ему в «Мечети с эхом». В саду, называвшемся Усладой сердца, зал для отдыха украшали картины, на которых был запечатлен индийский поход Тимура, и мальчик, должно быть, не сводил глаз с нарисованных всадников, – так похожих на тех, что он видел в родной долине, – которые обращали в бегство удивительных боевых слонов.

Вряд ли Тигр пришел в восторг, когда в Самарканде его познакомили с будущей женой. Пятилетнюю царевну Айшу, закутанную в покрывало, вывели к нему для совершения церемонии обручения, по окончании которой она убежала прочь.

Бабур решил, что Айша – заносчивая девчонка, и остался при своем мнении. Видимо, куда более сильное впечатление мог произвести на него другой случай, – в те дни султан Ахмед, его дядя, готовился ко второй свадебной церемонии. Ахмед, в то время занимавший самаркандский престол, предпринял очередную попытку добиться примирения между своими братьями, втайне вынашивая планы их свержения; он и пригласил маленького Бабура завершить взрослую свадьбу, сняв покрывало с лица невесты. Мальчик, добросовестно старавшийся справиться с поручением, слышал смех знатных гостей, в котором явственно звучала ирония.

Он уже научился распознавать скрытые чувства женщин, составлявших его окружение, – неприязнь Айши; покровительственную опеку своей сестры Ханзаде, которая страстно мечтала о взрослых украшениях; ласковые упреки своей заботливой матери и неусыпную опеку Исан, – все это не могло пройти для него незамеченным. На следующий год его взяли с женской половины, чтобы передать на попечение отца.

Со смертью Юнус-хана – грабителя, бывшего одновременно и защитником, – отец с сыном лишились последнего союзника среди многочисленной родни. Трех старших братьев объединяло желание выдворить Омар Шейха из его владений, и только взаимное недоверие удерживало их от воплощения этого замысла сразу после заключения перемирия в Самарканде. Поэтому, хотя тучный Омар Шейх не обладал значительными богатствами, вследствие чего испытывал недостаток в хорошо вооруженном окружении, в его руках по-прежнему оставалась густо населенная долина с плодородной землей. Она и стала первой любовью Бабура – с тех самых пор, как он смог сопровождать отца в поездках по Ферганской долине.

Низвержение голубятни

«Фергана, – позднее пояснил Тигр, – находится на границе возделанных земель. На востоке от нее – Кашгар, на западе – Самарканд, на юге – горы Бадахшанской границы. На севере хотя раньше и были такие города, как Алмалык и Алма-Ата, как пишут в исторических книгах, но теперь из-за нашествий моголов и узбеков они разрушены, и там совсем не осталось населенных мест.

Фергана – небольшая область, хлеба и плодов там много. Вокруг Ферганы находятся горы; с западной окраины, где Самарканд и Ходжент, гор нет; зимой ни с какой стороны, кроме этой, враг не может пройти. Река Сейхун приходит в Фергану с северо-восточной стороны, проходит севернее Ходжента, потом снова уклоняется на север и течет в сторону Туркестана; значительно ниже... эта река, не сливаясь ни с какой другой рекой, вся впитывается в песок и исчезает».

В этих северных степях Юнус-хан выставлял конные дозоры. Теперь, на глазах у мальчика, они превратились во враждебную территорию, со стороны которой на горизонте возникали темные тучи варварских орд. Горные гряды, будучи природной границей, не могли служить защитной стеной, поскольку всадники легко преодолевали их, продвигаясь вдоль стекавших с вершин ручьев, питавшихся талыми снегами. Именно таким маршрутом пользовались караваны, прибывавшие с востока и привозившие на рынки Самарканда товары из

Киты (Китая). В те времена караваны останавливались на привал в заросших клевером лугах возле родного города Тигра, чтобы отдохнуть после дороги, которую приходилось прокладывать сквозь глубокие снега, и перегрузить свою поклажу с длинношерстных яков и пони на лошадей. Красную пустыню возле Самарканда груз пересекал уже на верблюдах.

На время зимних холодов верхние перевалы становились непроходимыми. Однажды караван был погребен на перевале под снегом, и в долину спустились только два человека, оставшиеся в живых.

«Получив об этом известие, мой отец послал сборщиков и задержал все товары каравана. Хотя наследников налицо не было, Омар Шейх-мирза сберег товары, несмотря на то, что сам нуждался. Год или два спустя он вызвал наследников из Самарканда и Хорасана и вручил им их товары в целости... Справедливость его достигала высокой степени».

Омар Шейх был заботлив по отношению к другим, но не к себе. Он любил приглашать гостей в Андижан, но пренебрегал его укреплением.

Вскоре Бабур обнаружил, что в его долине существует два отдельных царства: равнина с селениями, расположенными вдоль рек, и дикая горная страна. Начав с девяти арыков, отводивших в город воду небольшой речки, – несколько лет его поражало, как вода исчезает среди домов, – он распространил свои исследования дальше, к зарослям калины и узкому ущелью, известному под названием Прыжок козы, а затем и до обзорного пункта, находящегося на заснеженной горе Бара.

Под ним расстился зеленый ковер лугов, усеянный пасущимися стадами и домиками отдаленных селений. Вокруг его наблюдательного пункта тянулись голые склоны летних пастбищ, где в непродуваемых ветром кожаных шатрах селились горные племена, окруженные скудными стадами овец и черных коз. Горцы приветствовали мальчика подношениями – миндалем или жирными фазанами. По наблюдениям Бабура, которого всегда сопровождала вооруженная стража, из одной такой птицы можно было приготовить хороший обед.

Во время прогулок по горным пастбищам Бабур поражался чудесам природы, – он видел гранитный утес, похожий на гробницу, и отвесно стоящий камень, такой темный и гладкий, что в нем можно было разглядеть свое отражение, за что камень и прозвали «зеркальным». Горы хранили свои тайны, недоступные жителям города, – тропы, обозначенные кучками камней, предназначались для тех, кто хотел уйти в другую долину, скрываясь от преследования закона. Быстро взрослевший Тигр изучил эти тайные тропы; в обществе своих юных товарищей он охотился на белых кийиков.

В селениях случались праздники, обычно совпадавшие с приходом весны или сбором урожая; люди постарше вместе с Омар Шейхом частенько прикладывались к запретному вину и играли в нарды или кости. Весной, когда зацветали розы и тюльпаны, молодежь прикрепляла зажженные свечи к спинам больших черепах, чтобы побродить по саду после захода солнца. Когда поспевали дыни, все съезжались на конские состязания.

Казалось, города запомнились беззаботному Тигру в основном своими вкусными плодами и спортивными состязаниями. В древнем Ходженте, там, где караванный путь подходил к реке Сыр, собирали самые сочные гранаты, а на кишаших змеями холмах добывали превосходную бирюзу. Бабур наслаждался начиненными миндалем сушеными абрикосами из Маргилана, который также славился лучшими кулачными бойцами. В этом городе что ни день случались шумные уличные сражения, и не случайно сложилась поговорка: «Все драчуны – из Маргилана». Над рекой возвышался город, которому предстояло стать для Тигра домом. Ахси была самой старой и неприступной крепостью в долине; сначала Омар Шейх поселился здесь, но затем передумал, оставив в крепости только голубятню. Ветры пустыни гуляли среди голых камней крепости, защищающей город.

«Река Сейхун течет под крепостью. Крепость стоит на высоком яру. Вместо рва там служат глубокие овраги. Пригороды тянутся на расстояние более одного шери от крепости. Поговорку «Где деревня, а где деревья?», вероятно, сказали про Ахси. Дичь в Ахси очень хороша, там много белых кийиков. Дыни там бывают очень хорошие; неизвестно, существуют ли еще где-нибудь в мире такие дыни».

Бабур никогда не забывал этих тяжелых желто-вато-коричневых дынь, таких вкусных, что их назвали в честь Тимура-повелителя. Однако Омар Шейх решил перевезти свою семью в Андижан, расположенный на восточном краю долины, и, судя по всему, Бабур не был в восторге от такого решения. Он сообщает, что Андижан был со всех сторон стиснут крепостными стенами, а его улицы стекались к дороге, шедшей вокруг крепости. Роль крепостного рва выполнял обыкновенный ручей, – обстоятельство, которое вскоре едва не оказалось для Бабура фатальным.

Здесь, расположившись во фруктовом саду, Бабур получал образование при содействии своего наставника. Зимой они занимались в зале, отапливаемом жаровнями. Мальчику следовало много читать, – когда ему исполнится одиннадцать, у него не будет времени на чтение. Тот же учитель наставлял и его младших братьев во всем, что касалось чисел, расположения небесных светил, традиций ислама и истории его семьи, поколения которой восходили к Тимуру и Чагатаям. В памяти Бабура, обладавшего живым любознательным умом, откладывались любопытные подробности. Он замечал, как его наставник, такой требовательный во время занятий, в другое время был распутен и лестью завлекал в свою постель красивых мальчиков. Другой же наставник, сообщает он, был «распутный, вероломный и недостойный лицемер».

С ранних лет вокруг мальчика звучали по меньшей мере три языка, и он легко освоил старый тюркский язык его родины, а также персидский диалект городских улиц и литературные персидский и арабский языки, свойственные образованным людям. Игра слов зачаровывала его. Глубоко интересуясь всем, что происходило вокруг, он стремился донести до жителей родной долины сказания религиозных мудрецов, ходжей, и красноречивые творе-

ния поэтов. Он декламировал строки из великой «Шахнаме», – ему казалось, что она воспекает совсем недавние события: победы и поражения героических царевичей, так же, как и он сам, живших в маленьких долинах.

Юный Тигр обладал практическим умом и стремился познать все загадки, с которыми ему приходилось сталкиваться. Среди книг, хранившихся в крепости Андижана, лишь немногие были недоступны его пониманию. Стихи провидца Руми намекали на то, что под звездным небом все находится во власти таинственных существ, – Они, Не имеющие имени, являлись человеку во сне. Его отец умел чудесно декламировать Руми, но обливался потом, когда пытался объяснить эти тайны. Бабур сумел выяснить у своего отца единственное – все тайны бытия известны некоему Ахрари, Учителю святых людей. Но Ахрари никогда не заглядывал в далекий Андижан, в крепость с обвалившимися стенами. Лишь странствующие звездочеты приходили туда, чтобы получить еду и несколько серебряных монет за свои предсказания.

Прислушиваясь к вечерним разговорам, мальчик заключил, что домашний уклад его далеких дядей во многом схож с укладом его семьи. Несмотря на всю свою сноровку в играх и любовь к дорогим винам и коврам, ни один из четырех сыновей Абу Саида не мог похвастаться богатствами; а поэтов, слагавших в их честь хвалебные оды, нельзя было даже сравнивать с Руми; великодушные и беспечные, они грелись в лучах заимствованной славы, – обычные искатели удачи, снедаемые желанием превзойти и ограбить один другого.

Свои надежды, связанные с Самаркандом и наследным престолом, Омар Шейх возложил на сына, рассчитывая впоследствии захватить и сам Ташкент. Хотя Омар Шейх был плохим стрелком и неуклюжим наездником, именно он настоял на том, чтобы Бабура начиная с десятилетнего возраста обучали владению оружием. Однако, отданный в руки наиболее искусных воинов, Бабур все равно не расставался со своими книгами. Тренировками для него служили регулярные выезды на охоту, а также эпизодические военные рейды за реку. Распри с горцами не ограничивались отдельными стычками; нападения следовало опасаться в любую минуту, и наставники Бабура внушали ему, что он должен быть готов к нему постоянно, особенно в самый неподходящий для себя момент – когда спит или собирает яблоки. Воин по прозвищу Живодер, отличавшийся замечательной храбростью, но недалекий умом, учил мальчика облачаться в свободную кольчугу и легкий стальной шлем сидя на спине лошади, поскольку пеший человек ни на что не годится. Живодер показывал Бабуру, как управляться с короткой изогнутой саблей, как пользоваться круглым щитом и делать обманные движения в седле; он учил его стрелять из короткого тюркского лука по цели, движущейся впереди или позади него. Перед тем как попасть к Омар Шейху, опытный Живодер состоял на службе у Юнус-хана.

Седеющий Касим, полновластный вельможа, не придавал большого значения искусству поединка, говоря, что в голове у овечьего пастуха Давида было больше здравого смысла, чем у вооруженного мечом Голиафа, и что Бабур должен первым наносить врагу сокрушительный удар с помощью стрел. Этих слов Бабур не забыл, но не был уверен, заслуживает ли Касим такого же доверия, как скудоумный, но испытанный Живодер. Для него было очевидно, что на господ высокого ранга, поглощенных собственными амбициями, нельзя полагаться в той же степени, как на обычных слуг. Еще один вельможа, Ибн-Якуб, обучил его приемам, позволяющим управлять лошадью с помощью коленей. Двигаясь быстро, говорил Якуб, ты становишься неуязвимой целью. Якуб был храбрым и воинственным; он принимал участие в спортивных развлечениях мальчиков, подбадривая их во время игры в конное поло или чехарду. Если царственный орел, говорил он Бабуру, не расправит над тобой свои крылья, то твои кости достанутся черному ворону. Этим он хотел сказать, что без надлежащей протекции и царевич может погибнуть, как обычный бродячий попрошайка. Якуб был склонен к иносказаниям.

Неграмотный Касим выражался без околичностей. Несмотря на то что летом 1494 года пастбища были тучными, а в полях созрел хороший урожай, опасения Касима вызывало то, что было скрыто от их глаз. Он сообщил, что султан Ахмед, старший из дядьев Бабура, добился взаимопонимания с Махмуд-ханом, первым сыном Юнус-хана, и что кони этой парочки пасутся на подступах к Фергане. Это, заявил Касим, означает войну, а Омар Шейх, правитель Ферганы, которому следует призвать своих подданных к оружию, просто уехал полюбоваться своим урожаем и голубями, бросив Андижан на попечение судьбы – достойнейшего человека, но отнюдь не воина.

Преподобный кади, род которого славился своей праведностью даже в Самарканде, не соглашался ни с весельчаком Якубом, ни с опытным Касимом. Судья утверждал, что не существует лучшей защиты, чем помощь Всевышнего; нет никаких законов, кроме священных заповедей. Рано или поздно Тигр сам в этом убедится, заверял он. Бабур недоумевал: возможно ли, что его отцу, человеку широкой души и обаятельному в общении, по-прежнему тешившему себя запретным одуряющим напитком, нардами и костями, тоже было доступно нечто подобное?

Однажды, ясным летним днем, когда Омар Шейх отбыл в скальную крепость Ахси для инспекции голубятни, Бабур, прихватив своих соколов и веселых приятелей, отправился в сад, расположенный на холмах в предместьях Андижана, где собирался отдохнуть в прохладном павильоне после соколиной охоты. (Омар Шейх не позволял заниматься этим поблизости от своих голубей.) В этом саду и застал его гонец. Все произошло в понедельник.

«Случилось удивительное происшествие, – рассказывает Бабур. – Голубятня упала со скалы вместе с голубями и Омар Шейхом, который совершил таким образом перелет в мир иной... В месяце рамазане года 899⁷ я стал государем области Ферганы на двенадцатом году жизни».

---

⁷ Дата приводится по летосчислению хиджры, принятому у мусульман.

«Как галька, выброшенная на берег»

Поддавшись первому побуждению, Бабур помчался во дворец. Он всегда был порывист и обычно не тратил времени на размышления. Поручив своего сокола одному из спутников, он вскочил на коня и пустил его галопом; остальные устремились следом. На первой же улице города его перехватил полномочный вельможа и, схватив коня за узду, отговорил Бабура от возвращения во дворец, где его могла ждать засада. Ферганская долина осталась без защитника; со смертью Омар Шейха любой высокородный бек, имевший при себе надежное войско, мог забыть о своей преданности его роду. Всадники промчались по городу, направляясь к Воротам Молитв, обращенным к террасам южных склонов. Скрывшись в этом направлении, Бабур мог бы выждать некоторое время, наблюдая за развитием событий с безопасного расстояния.

Однако возле самых ворот их перехватил пожилой слуга с поручением от судьи, в котором тот просил Бабура немедленно прибыть во дворец. Бабур не стал медлить и застал почтенного кади и горстку преданных вельмож в момент жаркого спора о том, что следует сделать для мальчика, поскольку тот не способен взять на себя управление страной. «В те дни, – как позднее написал индийский историк, – он был как галька, выброшенная на берег».

Оставалось надеяться лишь на то, что беки, получившие земли из рук Омар Шейха, не изменят своей клятве верности. В противном случае ситуация складывалась настолько скверно, что хуже и представить себе невозможно. Слабовольный отец Бабура оставил ему в наследство все свои междоусобные распри с более могущественными родственниками. Один из них, Ахмед, уже выступил из Самарканда, и западные области открыли перед ним ворота своих городов. Войско Ахмеда приближалось к городу, в то время как старший сын Юнус-хана, бывший на тот момент его союзником, пересек реку Сыр и продвигался к Ахси, грозя отрезать находившуюся там мать Бабура и его младшего брата. На перевалах восточных гор, где проходил караванный путь, ведущий в Китай, были замечены и другие враги.

Судья отверг довольно бессвязные предложения относительно организации обороны. Единственный выход для царевича, объявил он, в том, чтобы воззвать к самому доброму и могущественному из завоевателей, к его дяде Ахмеду, повелителю Самарканда, который по счастливому совпадению является отцом его будущей жены, и, кроме того, верен заветам Господа.

Бабур немедленно согласился. Позднее он набросал красноречивый портрет султана Ахмеда, которому в то время было около сорока лет.

«Он был прост и неотесан и не обладал никакими дарованиями. Тюрбан наворачивал по обычаю того времени: в четыре оборота, неизменно совершал пятикратную молитву, и даже во время винопития, которое длилось порой двадцать – тридцать дней подряд, не пренебрегал молитвой; иногда, воздерживаясь от чаши, он не пил тоже по двадцать – тридцать дней, но ел много возбуждающих средств. Хотя султан Ахмед-мирза вырос в городе, он ничего не читал. Однако он был человеком чистой веры и большинство важных дел решал согласно пути закона. Будучи человеком очень вежливым, он никогда не скрещивал ноги, не считая того случая, когда в том месте, где он сидел, нашли торчащую из земли кость. Стрелял из лука он очень хорошо и, проносясь с одного конца ристалища до другого, в большинстве случаев по несколько раз сбивал укрепленную на шесте мишень. В более позднее время, когда он сильно растолстел, Ахмед охотился на фазанов и перепелов с ловчими ястребами. По природе это был человек простой, немногословный и отличавшийся скупостью; воля его была в руках беков».

Следуя советам судьи, Бабур поспешил отправить гонца к султану Ахмеду, чтобы выразить ему свою покорность как «сын и слуга» и попросить у него разрешения остаться в городе. Замысел провалился; Ахмед, человек по натуре беззлобный, был склонен принять предложение, но пошел на поводу у беков, которые сочли бессмысленным уступать мальчишке то, что само плыло им в руки. Не давая коням передышки, они гнали их по направлению к Андижану.

Андижан, в те времена благословенное местечко, получившее в подарок от судьбы плодородные поля и близость оживленных торговых путей, совсем не напоминал крепость. Невысокая цитадель стояла на берегу реки; канаву, служившую крепостным рвом, засыпали, и на ее месте образовалась улица. К тому же городское население не имело ни малейшего желания отстаивать интересы царевича с оружием в руках. Основную массу населения, будь то торговцы, крестьяне или ремесленники, составляли таджики, исконные обитатели этих земель, предпочитавшие не вмешиваться в распри своих повелителей – воинственных монголов и тюрков, вторгшихся в их горную страну несколько веков назад.

Беки с той частью армии, что встала на сторону Тигра, – среди них был и Якуб, – предприняли попытку залатать бреши в крепостных стенах и запастись провизией на городском рынке. Тем временем Живодер убедил вельмож выехать из города вместе с царевичем, чтобы по крайней мере выяснить, каковы планы неприятеля. Небольшой отряд тайно покинул город, и судья заметил, что им следует верить свою судьбу в руки Аллаха...

Дойдя до обмелевшей реки, беглецы заметили на противоположном берегу темную массу – это были всадники султана Ахмеда. Дальнейшее поразило Бабура, который испытал в тот день настоящее потрясение.

Самаркандское войско несло во весь опор. Увидев на другом берегу андижанцев, всадники резко свернули к воде. Через глинистую жижу и топкие берега был перекинут единственный мост, у въезда на который и сгрудились атакующие, пока лошади под ними не начали падать в трясины, а охваченные паникой верблюды – разбежаться в разные стороны. Никто из военачальников так и не появился, чтобы навести порядок. Так продолжалось до темноты, под покровом которой самаркандцы унесли своих раненых и скрылись в неизвестном направлении. Больше они не появлялись. Бывалые полководцы объяснили Бабуру, что однажды самаркандское войско уже потерпело поражение на этом самом мосту и теперь суеверные испугались, что на них восстали призраки погибших. Добродушного султана Ахмеда и многих его приближенных внезапно сразила болезнь. Судя по всему, он внял своим советникам и отвел войско.

Однако впечатлительный Бабур, нервы которого были взвинчены до предела, не сомневался, что в этой первой встрече с врагом сам Аллах выступал на его стороне.

Удивительный поворот судьбы, вызванный происшествием на мосту, сказался и на судьбе крепости Ахси. В отличие от Андижана древняя столица долины, укрывшаяся среди скал, представляла собой мощное укрепление. Находившиеся здесь беки из свиты Омар Шейха успешно отразили атаки сына Юнус-хана, который тоже предпочел отступить, услышав об отходе султана Ахмеда. Итак, в июне этого года отчаянная храбрость горстки решительно настроенных людей спасла восточные области долины для Бабура, который никогда не забывал о проявлении высшей силы, которому был свидетелем.

Только теперь он поспешил в Ахси, к недавно построенной усыпальнице Омар Шейха. Она была возведена на скале, и по ее стенам неустанно расхаживали ручные голуби, лишившиеся своего хозяина и голубятни. Омар Шейх при жизни кормил их ежедневно. «Его щедрость не знала границ, – размышлял Бабур, – и такой же была его душа». Он неторопливо обошел вокруг усыпальницы, прочитал соответствующие молитвы, затем, как предписывал обычай, раздал подавание толпившимся в ожидании нищим. Перед уходом он приказал одному из доезжачих ежедневно насыпать голубям корм.

Большая часть его спутников выступила в поход, чтобы выбить вражеских всадников с восточных перевалов. Тем временем Тигр перевез свою семью обратно в Андижан. В знак траура его мать дала обет молчания. Моголка была из тех женщин, что всецело посвящают себя домашним заботам; она могла лишь беспокоиться за своих легко возбудимых детей, но была бессильна помочь им советом. Совсем другой была бдительная бабушка Бабура. «Среди женщин по уму и рассудительности мало найдется таких, как моя бабка Исан Даулат-биким, – комментирован Бабур, – она была очень умная и рассудительная женщина».

Исан обосновалась в башне над воротами цитадели, откуда могла наблюдать за входящими и выходящими посетителями и немедленно объявила войну привязанности, которую Тигр питал к своим близким товарищам. Она приводила старую поговорку о том, что цари не знают родства, и была категорически против назначения Якуба, остроумного собеседника и опытного игрока в поло, на должность министра. Судя по всему, Якуб замыслил в одиночку заключить перемирие с правителями Самарканда, которые прислали за ним, чтобы пригласить в свой город на свадебные торжества. Исан вызвала в свое орлиное гнездо почтенного кади, а затем и сурового Касима. Затем она пригласила Тигра и разбранила его. Она заявила, что он всегда был упрям и никогда не допускал, чтобы кто-нибудь влиял на него и вынуждал делать что-то вопреки его желанию. Такой властолюбивый министр, каким был Хасан Якуб, мог бы без труда справиться с его сводным братом Джахангиром (это имя, означающее «повелитель вселенной», было излюбленное в роду у Тимуридов), которому исполнилось всего десять лет.

Ее внук, настаивала Исан, должен, не теряя времени, решить первоочередную задачу, стоящую перед любым правителем: следует раздать земли своим приближенным, не забыв ни знатных, ни простых, одновременно определив каждому его обязанности. Поступив так, он заручится преданностью своих беков. Поскольку он медлит, Якуб уже распределяет должности среди собственных приближенных.

Бабур напомнил, что Якуб сумел добиться так необходимого им перемирия и отказался от поездки в Самарканд. Почему даже после этого он не заслуживает доверия? Исан догадывалась, что доверие ее внука новому министру основано на личной привязанности. Оставшись в Андижане, Якуб не прерывал связи с Самаркандом. Он был достаточно изворотлив и понимал, что, заручившись вооруженной поддержкой самаркандских беков, сможет дожидаться удобного момента, чтобы сместить старшего сына Омар Шейха и провозгласить формальным правителем Джахангира.

Отсутствие Султан Али

В последующие несколько недель Бабур ничего не подозревал, заметив только высокомерие полновластного Якуба по отношению к ветеранам, которые вследствие этого старались держаться подальше от дворца. Исан, однако, замечала гораздо больше и созвала в свою башню обиженных беков, а также Касима и судью. Не ставя юного повелителя в известность, они в сопровождении вооруженных стражников отправились за Якубом в его апартаменты. И не нашли его. Сообразительный министр Бабура сбежал за реку через Ворота Молитв и удалился по дороге к Самарканду. Касим снарядил погоню, но преследователям удалось лишь выяснить, что Якуб, прихватив с собой вооруженный отряд, свернул в сторону Ахси, очевидно рассчитывая захватить крепость, чтобы заручиться милостью предполагаемых самаркандских союзников. Последовавший за этим инцидент произвел на юного Тигра неизгладимое впечатление. Якубу удалось перехитрить методичного Касима, и однажды ночью он со своим отрядом мятежников атаковал походный лагерь последнего, в результате чего сам был ранен в темноте своими же людьми. Стрела, попавшая Якубу в ягодицу, мешала ему как следует держаться в седле, он соскользнул на землю и был убит в схватке. «Такая расплата ждала его за предательство», – сделал вывод Бабур.

В результате он принял вполне мальчишеское решение подчинить свою жизнь строгим правилам. Начал воздерживаться от мяса животных, запретных для мусульман, следил за чистотой скатерти и столовых приборов и поднимался на полуночную молитву. Назначил Касима управителем дворцового хозяйства и повелителем Андижана. Исан не возражала против этого назначения.

В ту осень снег перекрыл дороги в Ферганскую долину, дав юному монарху короткую передышку.

Но в следующем, 1495 году из внешнего мира пришли зловещие известия.

Умер благодушный и нерешительный султан Ахмед. Он был последним олицетворением мощи Тимура. Горные районы, где и в дни правления Омар Шейха и его братьев царил хаос, оказались втянутыми в распрю между двоюродными братьями, каждый из которых мог похвастаться собственным крошечным войском и унаследованной от Тимуридов дерзостью. Из-за реки стали появляться отряды монголов, ищущих новых земель или иной добычи. Сам Самарканд превратился в арену, где заговорщики боролись с предателями, а горожане поднимались на защиту своего имущества от грабителей, кичившихся новомодными пороками. Солдаты, ставшие истинными хозяевами города, подстрекали шутов к непристойным выступлениям и расхаживали по улицам об руки со своими мальчиками. «Сыновей своих беков, беков своих сыновей и даже сыновей своих сводных братьев они брали в бачи⁸, – сообщает Бабур. – Не осталось ни одного богатого человека без бачи».

Верный своей манере подвергать жестокой критике все то, что вызывало у него отвращение, Бабур нарисовал мрачную картину творившихся в Самарканде бесчинств, – однако на этот раз в его душе зрело новое решение. Смерть Ахмеда, так быстро последовавшего за Омар Шейхом, казалась ему предзнаменованием. Еще не имея опыта заговорщика, он не стремился к нему, пока это не противоречило его целям. Он обладал несомненным даром завоевывать симпатии и, вопреки Исан, во многом рассчитывал на него. Обе женщины – Исан и Ханзаде – сокрушались о прежних временах, когда Омар Шейху подчинялись и те города, что были расположены вдали от Ферганы, и смаковали подробности жизни при не существующих теперь пышных дворах. Хотя изолированность Ферганы обеспечивала им защиту, но ее надежность вызывала у женщин скептическое отношение.

---

⁸ Бачи – мальчик для любовных утех.

Под впечатлением от их разговоров у Бабура постепенно созрела мысль, которая со временем превратилась в его собственную: ради того, чтобы заполучить Самарканд, он готов был поставить на карту все, что имел. Бесмысленно сидеть в Андижане и бездействовать, решил он. Если ему суждено занять престол, то это должен быть престол Тимура.

Учитывая обстоятельства, этот замысел казался безнадежным. Но мальчик не оставлял его, и он превратился в непоколебимую уверенность. За два года его приближенные не добились ничего, не считая захвата одного-двух приграничных городов. В то же время кое-кто из беков и грабителей-монголов искал с ним встречи, чтобы предложить ему свою службу – в обмен на должное внимание к своим усилиям. Юный Тигр устроил своим новым подданным довольно церемонный прием. «Я принял их на разложенных на возвышении подушках, в полном соответствии с обычаями государей из рода Тимура». К нему приблизились трое мелкопоместных султанов, и он «поднялся, чтобы оказать им честь, и усадил на ковер по правую руку».

Монголы проявляли полную необузданность, и Бабур приказал Касиму казнить несколько человек в назидание остальным. Касим выполнил приказ, хотя через несколько лет это вынудило полновластного вельможу расстаться со своим государем, поскольку он опасался мести со стороны монголов, ставших его кровными врагами.

Пока Самарканд сотрясали внутренние конфликты, сменявшиеся как в калейдоскопе, державшийся поодаль Тигр мог воспользоваться создавшимся преимуществом. Большая часть побежденных переходила в его команду, в которой, по крайней мере, не было внутренних разногласий. Султан Али, один из его двоюродных братьев, чудом избежавший ослепления раскаленным клинком, дал нерушимую клятву быть верным союзником Бабура.

Они с Султан Али условились, что в мае 1497 года, когда трава нальется соком, Бабур выступит на запад и двинется на Самарканд во главе своего мизерного войска, состоящего из беков, солдат и прислуги. Ему не пришло в голову, что таким образом он лишит всякой защиты Андижан, где остается Исан вместе с его младшим братом Джахангиром. Позднее станет ясно, что он совершил ошибку.

Полный решимости Тигр двинулся к Самарканду, захватывая по пути города и пополняя армию. Возле развалин очаровательной горной деревушки в Ширазе он с удовольствием принял на службу несколько сотен хорошо вооруженных воинов, среди которых был некий Тоший бек. Гораздо позже Бабур выяснил, что этих людей послали из Самарканда, чтобы помешать ему захватить Шираз! Поэтому, когда Султан Али, поклявшийся быть его верным союзником, не соизволил появиться с восточной стороны, Бабур не испытал никаких сожалений. Истинная его суть заключалась в том, что он родился искателем приключений, а вовсе не основателем империи. Ему приходилось учиться управлять страной, основываясь на собственном горьком опыте.

После молитвы, прочитанной в честь появления на небе молодой луны, означающей окончание поста месяца Рамазана, его противник разбил свой лагерь в садах, расположенных на склонах гор, в виду серых стен и ослепительных куполов цитадели Тимура. Бабур с восторгом следил за схваткой своих отчаянных молодцов с воинами гарнизона. И тщательно отмечал любую мелочь, которую можно было истолковать как счастливое предзнаменование.

В один из последующих дней было совершено нападение на двух самаркандских вельмож, решивших насладиться прогулкой по саду и выехавших за пределы городских стен. Первый, султан Танбал, был ранен копьем, но остался в седле; второй, городской судья, погиб на месте. «Он был достойным человеком и очень образованным, – писал Бабур в своем дневнике. – Мой отец однажды выказал ему свое расположение и назначил его хранителем

печати. Он превосходил многих других в соколиной охоте и умел предсказывать по погодному камню».

Юный Тигр становился все более суеверным. Однако при этом он обладал практической жилкой, которая не подвела его в случае с ограблением торговцев. Как только вражеское войско захватило предместья Самарканда, оно тут же разграбило все продовольственные запасы, какие только можно было найти в этой плодородной долине и нехватка которых так удручающе ощущалась в гарнизоне. Торговцы и горожане, словом, все, кто не принимал участия в военных действиях, приноровились заглядывать на базар в лагере Бабура, чтобы раздобыть съестного. Однако солдаты Бабура не смогли удержаться от искушения и в один прекрасный день напали на торговцев и дочиста их обобрали. Узнав об этом происшествии, Касим-бек, а также и сам Бабур потребовали восстановить справедливость, для чего приказали принести все украденные товары, чтобы возратить их населению. «Прежде чем закончилась первая стража на следующий день, не осталось ни одного лоскута или даже сломанной иголки, не возвращенной своему владельцу». (А у монгольских стрелков, которые участвовали в грабеже, появился еще один повод отомстить Касиму.)

Единственная попытка андижанцев взять штурмом хорошо укрепленный город кончилась неудачей. Кое-кто из горожан предложил свои услуги, чтобы ночью провести осаждающих в город через Пещеру Влюбленных; однако те, кто последовал за проводниками, наткнулись на засаду, и некоторые из приближенных Бабура погибли.

На исходе лета, когда солнце переместилось в знак Весов, полководцы Бабура начали задумываться о приближающихся зимних холодах и приняли решение перевести войско из открытого лагеря в заброшенные укрепления, расположенные на севере в горах, чтобы люди могли устроить для себя крытые жилища. Во время этих перемещений случилось нечто такое, что могло положить конец осаде.

Прибывшие фуражиры доложили, что на восточной дороге появились неизвестные всадники. Бабур понадеялся, что это гонцы союзников, но над темной массой развевался незнакомый штандарт, украшенный конским хвостом; всадники в грубой одежде передвигались без обоза или прислуги и не выслали вперед гонца, чтобы сообщить о своем приближении. Монголы, состоявшие на службе у Тигра, быстро узнали в них узбекских воинов из-за реки. Распространился слух о том, что кочевников призвал на помощь юный султан Байсункар, осажденный Бабуrom в Самарканде.

Бабур, слабо разбившийся в военных хитростях, отреагировал достаточно быстро. Возможно, в этот затруднительный момент именно его неведение и сыграло ему на руку. Возможно также, что, вспомнив о стойкости своих немногочисленных товарищей, которые сумели отстоять Андижан, он созвал находившихся поблизости всадников и повел их на молча надвигающихся узбеков. То, что произошло дальше, не было похоже на обыкновенную стычку между противниками, участвующими в междоусобной расправе, – перед его войсками стоял их извечный враг; все андижанцы устремились на холм, чтобы встать под знамя Бабура.

Очевидно опасаясь ловушки в неясной для него ситуации, Шейбани-хан, предводитель узбеков, остановил свое войско. Весь день две армии стояли друг против друга, лицом к лицу; всадники Бабура противостояли кочевникам, искавшим повода вмешаться в столичные неурядицы. Шейбани-хан был старше Бабура и считал, что вина за смерть его отца лежит на Юнус-хане. К вечеру узбеки отошли на безопасное расстояние и стали лагерем, а на следующий день, увидев, что самаркандский гарнизон не делает ни малейших попыток выйти из города, чтобы соединиться с ними, они снова исчезли, двинувшись к северу.

Так закончилась первая встреча Бабура с Узбеком, которому на ближайшее десятилетие суждено было стать его самым проницательным и победоносным противником.

Сто дней в Самарканде

В конце концов Бабуру удалось взять осажденный город штурмом. Запасы продовольствия были на исходе, а между тем приближалась зима. За время правления султана Байсункара горожане натерпелись достаточно лишений – и великодушные Бабура по отношению к торговцам только укрепило их в этом убеждении. Им внушали страх узбеки, так и не пришедшие Байсункару на помощь; правящая верхушка разбежалась по своим уделам, и сам Байсункар с несколькими сотнями приближенных бежал в южные области, рассчитывая на покровительство давних союзников своей семьи. Но еще до его бегства к зимним укреплениям Бабура потянулись горожане и юноши из знатных семей. Сопровождаемый этой свитой, Тигр въехал в цитадель и сошел с коня в дворцовом саду.

Он стал повелителем столицы Тимура и всей долины, что, несомненно, не могло случиться без помощи Всевышнего. Счастливый сын Омар Шейха составил краткий обзор города, который он видел десять лет назад, будучи ребенком. «Самарканд построен Искандером⁹, – сообщает он. – В обитаемой части земли мало городов таких благоприятных, как Самарканд. Так как ни один враг не захватил Самарканд силой и победой, его называют «город, хранимый Аллахом». Я приказал обмерить шагами поверху внутреннюю стену крепости, – вышло десять тысяч шестьсот шагов».

Приступая к изучению какого-либо места, Бабур брался за дело основательно, перечисляя обычаи и описывая все привлекательные особенности. Самарканд славился богатыми собраниями произведений просвещенных философов и толкователей закона; его население придерживалось ортодоксальных религиозных взглядов ханафитского толка¹⁰. Река, бравшая свое начало на горе Кухак, орошала своими каналами всю долину, и на богатой почве произрастали самые сочные яблоки и черный виноград, называемый *сахиб*.

В крепости «Тимур-бек воздвиг большое строение в четыре яруса, Кёк-Сараем¹¹ называется. Очень высокая постройка. Еще, близ ворот Аханин, внутри крепости, он поставил соборную мечеть, каменную. На переднем своде мечети стих Корана: «И вот воздвигает Ибрахим основы...» Это тоже очень высокое здание».

В одном месте, возле городских ворот, находились руины медресе и монастыря аскетов, внутри которого находилась усыпальница Тимура и гробницы его потомков, которые «царствовали в Самарканде».

Окрыленный Бабур и себя причислял к этому славному обществу. Разве не прославился Улугбек, то есть Великий Бек, внук завоевателя, как один из самых образованных людей на свете? Улугбек истолковал «Альмагест» Птолемея, «...высокая постройка Улугбека-мирзы – обсерватория у подножия холма Кухак, где находится инструмент для составления звездных таблиц. В ней три яруса. Улугбек-мирза написал в этой обсерватории «Гургановы таблицы», которыми теперь пользуются во всем мире».

(В результате современных археологических раскопок в основании этого круглого здания обнаружен громадный мраморный секстан с радиусом более 130 футов, правильно сориентированный на меридиан.)

Бабур – в меру своих возможностей – был в состоянии оценить математический подвиг по составлению звездных таблиц, охватывающих многие годы, как в прошлом, так и в

---

⁹ Самарканд под названием Мараканда известен с 329 г. до н. э.; Искандер – Александр Македонский.

¹⁰ Ханафитский толк (аль-ханафита) – один из правоверных толков ислама; его придерживаются мусульмане России и исламских стран СНГ.

¹¹ Кёк-Сарай – Голубой дворец.

будущем. Ему был известен случай, который подтверждал поразительную память Улугбека. Охота доставляла царевичу не меньшее удовольствие, чем его научные занятия. По вечерам он делал подробные записи в особой книжке о поимке животных самых разных видов. Прошло чуть больше года, и книжка пропала. Тогда скрупулезный Улугбек по памяти продиктовал все ее содержание. Позже пропавшая книжка нашлась. Все записи в ней, кроме трех или четырех, совпали с тем, что было продиктовано Улугбеком.

К западу, «у подножия холма Кухак, Улугбек-мирза разбил сад, известный под названием Баг-и-Майдан. Посреди этого сада он воздвиг высокое здание, называемое Чил-Сутун, в два яруса. По четырем углам этого здания пристроили четыре башенки в виде минаретов; в других местах там всюду стоят каменные колонны; некоторые из них витые, многогранные. В верхнем ярусе со всех сторон террасы на каменных столбах, а посреди террасы беседка о четырех дверях; приподнятый пол этого здания весь выстлан камнем».

Так юный победитель описал великолепный дворец, продолжением которого служил двор, затененный платанами. Застывшие, словно в почетном карауле, деревья, сияющий мрамор, отраженный в неподвижной воде, и выложенный изразцами купол, возвышающийся в окружении стройных минаретов, – создав этот шедевр, народ предвосхитил легендарный Тадж-Махал.

Зрелище могущественного престола вызвало у Бабура желание произвести более тщательный осмотр. Трон находился в павильоне из резного камня и был установлен на цельном каменном блоке площадью пятнадцать на тридцать футов и высотой около двух футов. «Такой огромный камень привезли из очень отдаленных мест. Посредине его – трещина; говорят, что эта трещина появилась уже на месте, после того как камень привезли».

Эта трещина встревожила Бабура. К знамениям, предвещавшим закат Тимуридов, добавилось еще одно. Он подсчитал, что за неполные четыре поколения на троне Самарканда сменилось девять государей. Султан Али, несостоявшийся союзник Бабура, царствовал всего день или два, а Байсункар, брат Али, – всего лишь несколько месяцев.

Стены другого павильона в том же саду были когда-то отделаны китайским фарфором, который потом безжалостно сбили узбекские варвары. Выбоины в стенах «Мечети с эхом» тоже остались незаделанными. В детстве, любуясь этими чудесами, Бабур не замечал следов разрушения. Теперь он снова ступал по мощеному полу маленькой мечети и снова слышал загадочное эхо. «Это удивительное дело, и никто не знает, в чем тут тайна».

Желая поддержать свой дух, Тигр продолжал вести учет торговых ресурсов города, в котором каждому ремеслу отведен был свой базар; там продавали превосходный хлеб и самую тонкую в мире бумагу, малинового цвета ткань под названием *кермези* (на европейских рынках этот бархат называли крамуази, отсюда и английское слово *crimson* – «малиновый, темно-красный»). Он совершал экспедиции в отдаленные луга, летние и зимние загородные поместья, где любили отдыхать самаркандские вельможи. В этих так называемых *курухах* их семьи неделями жили в уединении, надежно скрытые от посторонних глаз, – в те времена тюрко-монгольская аристократия не имела обыкновения сидеть в четырех стенах своих городских резиденций. Как обычно, Бабур осматривал эти красоты придирчивым взглядом, отметив, что при всем великолепии Четырех Садов с их правильными аллеями вязов, тополей и кипарисов там нет хорошей проточной воды. Признав, что местные крапчатые дыни хороши в своем роде, он заметил, что они, однако, не так ароматны, как те, что растут в его родной Фергане.

Восторг первых дней сменился жгучей тревогой. Бабур готовился устроить сердечный прием для покорившихся ему самаркандских беков. Среди них он особо выделял султана Ахмеда Танбала, который оправился от нанесенной копьем раны, но, конечно, не забыл о ней. Между тем разношерстное войско Бабура стало причиной многих проблем. Во-первых,

солдаты не прекращали грабительских налетов на горожан, а город и без того пострадал во время осады и не мог выдержать нашествия мародеров. Бабур решительно запретил подобные действия, – приближалась зима, а в близлежащей долине не осталось никаких запасов продовольствия, и он был вынужден выдать семена для следующего урожая из собственных скудных запасов. «Город был до того разорен, что жители нуждались в семенах и денежных ссудах. Как получить оттуда что-нибудь? По этим причинам воины терпели большие лишения, а мы ничего не могли им доставить». Зимние холода ухудшили ситуацию. «Стокосовавшись по своим домам, они начали убегать по одному, по двое. Монголы сбежали все до одного, потом султан Ахмед Танбал тоже убежал».

В тревоге бродя по опустевшим залам дворца, Бабур решил послать за достойным кади. В ответ тот сообщил, что к Андижану стягиваются войска. Посланцы Султан Али, предполагаемого союзника Бабура, вступили в переговоры с Танбалом; они условились собрать войско и склонить на свою сторону всех недовольных, включая обиженных монголов, а затем улестить младшего брата Бабура Джахангира и убедить его примкнуть к ним. С этой целью заговорщики окружили Андижан, утверждая, что собираются захватить его в пользу Джахангира.

Письма, пришедшие от Исан и судьи, призывали Бабура немедленно выступить на помощь родному городу. Однако заговор поставил юного Тигра в затруднительное положение – в Самарканде с ним оставалось не больше тысячи воинов. Касим откровенно признал, что они не располагают достаточными силами, чтобы послать в Андижан войско.

В этот критический момент Бабур заболел; лихорадка усугублялась тревогой, и целых четыре дня он пролежал, заточенный в пышных дворцовых покоях, не в силах ни говорить, ни читать письма или отдавать приказы своему войску. В течение нескольких самых тяжелых дней он принимал лишь немного воды – ему смачивали язык с помощью влажной ткани. Поползли слухи, что он не выживет.

К несчастью, именно в этот момент и прибыл гонец от мятежников; он настаивал на немедленной встрече с Бабуром. Беки испугались совершить ошибку, позволив гонцу увидеть царевича в таком состоянии. В результате гонец вернулся в Андижан с известием, что сын Омар Шейха при смерти. Услышав об этом, начальник гарнизона сдал город заговорщикам, выступавшим под знаменем Джахангира. Танбал безжалостно повесил праведного ходжу Кази – судью.

«У меня нет никаких сомнений, – писал Бабур в своем дневнике, – что ходжа кади был святым; какое обстоятельство лучше доказывает его святость, чем то, что от всех, кто умышлял против него, вскоре не осталось ни следа, ни признака? Ходжа Мауляна-и-кади был удивительный человек: страха в нем совершенно не было; другого столь смелого человека и не видавали. Это качество тоже доказывает святость. Всякий человек, какой бы он ни был богатырь, все же испытывал небольшое волнение и опасение, а ходжа никогда не чувствовал волнения или опасения».

К тому времени Бабур поправился и прочитал последнее призывное письмо своей бабушки. («Если вы не откликнетесь на наш отчаянный призыв, все рухнет».) Повинуясь порыву, он устремился на помощь. Войско продвигалось к Андижану со всей скоростью, на какую было способно.

Пройдя лишь первую половину пути, Бабур узнал о захвате Андижана. Одновременно ему сообщили, что его двоюродный брат, Султан Али, воспользовался его отсутствием и захватил Самарканд. «Во имя спасения Андижана я упустил Самарканд и обнаружил, что, потеряв одно, не удержал и другое».

Несмотря ни на что, Бабур проникся убеждением, которому оставался верен всю жизнь. В самые тяжелые дни своей болезни он неустанно молился Учителю Ахрари – он умер, когда Бабуру исполнилось семь лет, – и верил, что именно вмешательство Ахрари спасло ему жизнь.

Бабур становится воинственным изгоем

Сын Омар Шейха не удержал в руках бразды правления своим маленьким государством и был пренебрежительно оттеснен превосходящими его силой заговорщиками. Вскоре он осознал, насколько незавидно его положение. «Никогда ранее я не расставался таким образом со своими приближенными и родной страной». Он предавался горьким размышлениям и плакал, когда его никто не видел. В то время он находился в самом опасном возрасте – ему было почти пятнадцать. Его младшего брата Джахангира оберегали как полезную марионетку – в полном соответствии с предсказаниями Исан. Сам же Бабур, – бывший властелин Самарканда и полководец, – стал для своих недругов препятствием и был обречен на уничтожение. (Два его двоюродных брата, искавшие убежища в южных областях, были приняты со всеми почестями, а затем устранены: одного из них ослепили, вырвав ему глаза; второй, царевич Байсункар, «такой милый и красивый царевич», вскоре был зарезан по приказу предателя-хозяина.) Кольцо вокруг Тигра сжималось, и два последующих года он скитался по стране в поисках безопасного убежища.

Он и думать не хотел о том, чтобы оставить долину. Касим-бек отправился на север, чтобы попросить помощи у дяди Бабура, Махмуд-хана, – старшего сына Юнус-хана. В это время мать Бабура, сестра хана, находилась в руках мятежников. Махмуд-хан довольно охотно выступил в поход, но вскоре понял, что обстоятельства складываются не в пользу его оптимистически настроенного племянника; оценив положение, его приближенные удовлетворялись подношениями от военачальников Танбала и посоветовали своему повелителю отказаться от напрасного риска. Маневры Бабура, имевшие целью соединение обеих армий, окончились ничем, к его горькому разочарованию.

Отступление дяди привело к тому, что он лишился и собственного войска. Настали тяжелые зимние месяцы, и из лагеря начали разбегаться воины, почуявшие беспомощность Тигра. Их семьи остались в Андижане, к тому же беглецы не верили в возможность захватить хорошо укрепленный город. «Тех, что остались со мной и избрани для себя тяготы и пребывание на чужбине, насчитывалось, вероятно, около двух или трех сотен, и знатных и простых. Мне пришлось очень тяжело, и я поневоле плакал».

Однако именно тогда заговорщики отпустили из Андижана его семью. По возвращении несгибаемая Исан дала внуку мудрый совет. Практически в тот же час Бабур поспешил в Ташкент – но не вымаливать помощь у Махмуда, а якобы для того, чтобы навестить теток и собрать войско для освобождения своей матери. Заполучив внушительное количество воинов с севера, он целеустремленно повел их, чтобы осадить, а затем и захватить пограничный город в родной долине, но его новые военачальники вполне разумно считали, что у него не хватит сил удержать эту крепость. Волей-неволей ему пришлось отказаться от своей добычи, захватив с собой лишь несколько отборных дынь особого сорта: «это дыни *шейхи*, кожура у них в пупырышках и потому похожа на шагрень; это очень нежные дыни... мякоть у них толщиной в четыре пальца; удивительно сладкие это дыни».

Вернувшись в свой единственный город, он обнаружил, что больше не может оставаться там, в Ходженте. Возле реки Сыр, на караванной дороге, связывающей Самарканд с Ахси, произошла небольшая стычка; местные жители зарабатывали себе на жизнь переправой через реку и сбором миндаля и не намеревались снабжать продовольствием войско из нескольких сотен человек. Бабур, верный своему обыкновению, не хотел сидеть сложа руки и бездействовать. Объединив вокруг себя костяк своего отряда, он теперь пытался найти для него убежище – в горах, среди зерновых полей и пастбищ. По дороге туда его перехватил гонец от султана Али, несостоявшегося союзника по осаде Самарканда. Преследователи царевича-изгнанника приближались. Не имея возможности укрыться за городскими

стенами, Бабур, как и прежде, решил найти приют у горцев, живущих на самых вершинах, где его люди могли рассчитывать на пойманную дичь и сушеные фрукты.

Оказавшись в этих местах, его спутники начали настаивать на том, чтобы, перейдя через горный хребет, спуститься в отдаленные города, которыми правил Хосров-шах, кипчак по происхождению, бывший в Самарканде министром. Однако Бабур отверг это предложение. «Хосров-шах совершал все ежедневные молитвы, – отмечал он, – но был человек нечистый, развратный, тупой, без понятия, вероломный и неблагодарный». К тому времени до Бабура уже дошли слухи о том, как Хосров-шах поступил с сыновьями своего прежнего повелителя – одного из царевичей он ослепил, а остальных приказал убить. «Сто тысяч раз проклят до дня воскресения тот, кто совершил столь гнусный поступок. Всякий, кто услышит о подобных делах, пусть проклинает его».

Немногие люди вызывали у Тигра подобный гнев, но Хосров-шах занимал в этом списке первое место. Многие современники находили Хосров-шаха человеком добродушным, но в глазах Тигра его бывший первый министр оставался негодяем, взошедшим на престол по трупам детей своего повелителя. Кроме того, невзирая на солидное войско и богатство Хосров-шаха, Бабур был убежден, что тот «не набрался бы смелости сразиться с петухом в курятнике».

Отказавшись от поддержки одного из наиболее сильных правителей, который мог оказать ему помощь, преследуя свои политические цели, Бабур повел своих спутников к хребтам Белых гор, чтобы укрыться в хижинах гостеприимных горцев. Здесь, среди голых вершин, он чувствовал себя в безопасности и не боялся быть застигнутым врасплох. Однако во время одиноких прогулок он много размышлял над своим положением, приходя к выводу, что надеяться ему не на что. Возвращаться в Ходжент по караванной дороге стало опасно; учитывая это, он вряд ли сумеет позаботиться о своей семье и удержать вооруженных васалов в таких местах, где обитают лишь дикие племена.

Однажды, предаваясь подобным размышлениям, он получил знамение, – во всяком случае, так он истолковал то, что с ним произошло. Во время одной из прогулок Бабур встретил отшельника, такого же изгнанника, как и он сам, который был последователем мученически погибшего ходжи Кази.

Они предались общей скорби и сообща помолились, жалея друг друга. Ничего не может случиться без божьей воли, напутствовал его отшельник.

В тот же день в лагерь Бабура прибыл гонец из долины. Он привез письмо от бывшего правителя Андижана, который сдал город мятежникам. Этот бек, по имени Али Дост, в награду от Танбала получил Маргилан, третий по значению город Ферганской долины. Теперь Али Дост раскаялся в своем злодеянии и, признав Бабура своим истинным повелителем, умолял его прибыть в Маргилан, обещая открыть перед ним ворота этого города, чтобы искупить свое преступление. Это событие показалось взволнованному изгнаннику ответом на молитву отшельника. Он даже не задумался о том, что Али Дост получил свою награду, в то время как ходжа Кази был повешен своими врагами.

«Едва пришла эта весть... как мы, нисколько не задумываясь и не задерживаясь, в тот самый час, когда солнце близилось к закату, быстро двинулись в Маргилан. Между тем местом, где мы находились, и Маргиланом будет примерно двадцать четыре – двадцать пять йигачей. Всю ночь, пока не взошла заря, и все утро до полуденной молитвы мы шли, нигде не останавливаясь. В час полуденной молитвы мы стали лагерем в селении Тангаб близ Ходжента. Дав коням остыть и покормив их, мы в сумерках выехали из Тангаба под бой сигнальных барабанов. Проехав всю ночь до утра и весь день до заката солнца и еще одну ночь, мы перед рассветом находились в одном йигаче от Маргилана. Тощий бек и еще кое-кто, почувствовав сомнение, доложили мне: «Али Дост – человек, совершивший многие дурные

дела. Ни один из нас не был посредником в переговорах между ним и вами. На что же нам рассчитывать, направляясь туда?»

Для сомнений у них были основания. Остановившись на некоторое время, мы посоветовались. В конце концов порешили на том, что сомневаться следовало раньше. Трое суток, не отдыхая и не останавливаясь, мы мчались вперед, так что ни у коней не осталось сил, ни у людей. Как же мы можем вернуться отсюда, а если бы и вернулись, куда мы пойдём? Раз уж мы столько проехали, надо двигаться дальше. Ничего не случится без божьей воли.

В предрассветный час мы подъехали к воротам крепости Маргилана. Али Дост Тагай стоял по ту сторону запертых ворот, пока мы не договорились об условиях. Тогда он отворил ворота и выразил мне почтение. Оставив Али Доста, мы спешили внутри крепости возле подходящего дома. Со мной было людей знатных и простых двести сорок человек».

Вскоре преданный Касим-бек привел из горных убежищ еще сотню воинов; приближенные раскаявшегося Али Доста принесли Тигру клятву верности, и он обнаружил, что снова возглавляет внушительное войско и находится под защитой крепких городских стен. Поверив в удачу и чувствуя себя победителем, он решил испытать свою счастливую судьбу, отправив Касима и нескольких преданных военачальников за новыми рекрутами. Бдительные горцы откликнулись на призыв сына своего государя и начали прибывать в город. По долине распространилась весть, что Бабур снова в силе. Когда трава налилась соком, с северных перевалов спустились войска его дяди, учуяв в воздухе запах добычи. В Ахси и Андижане простой народ брался за оружие. Великодушный Бабур приобрел популярность на базарах и улицах, – по сравнению с ним Танбал и остальные руководители мятежа были жестокими правителями. Флюгер народных симпатий повернулся в сторону сына Омар Шейха, и скальная крепость Ахси вновь оказалась в самом круговороте набегов и сражений, предел которому положила монгольская конница Бабура: когда войско Танбала подошло к городу на лодках, всадники на неоседланных конях отразили их атаку, ведя бой прямо в реке.

В вихре побед, отступлений и буйных набегов, в которых Тигр принимал самое деятельное участие, столица долины – Андижан – признала его своим государем. Предводитель монгольских наемников бежал из долины, а его всадники перешли на сторону Бабура, когда он пообещал им полное прощение за все прошлые грехи. Таким образом, после двух лет изгнания, в июне 1499 года, Бабур снова стал повелителем Ферганы. По крайней мере, так ему казалось.

Первое решение, которое он принял в этом качестве, оказалось крайне неудачным. Его верные приближенные питали вполне обоснованную неприязнь к монголам, о чем неустанно нашептывали государю. «Эти люди учинили беззакония, – воззвали к нему беки, – они схватили и обобрали близких к нам правоверных мусульман, а также ходжу Кази и его близких. Были ли они настолько верны своим бекам, чтобы быть верными нам? Что будет плохого, если мы велим их взять, тем более что они у нас на глазах разъезжают на наших лошадях, носят нашу одежду и едят наших овец? Кто может это стерпеть?»

Когда к этим увещаниям добавились голоса его товарищей, разделявших с ним нелегкие дни изгнания, Бабур пошел на уступку и приказал молчаливым монголам вернуть хозяевам всю собственность, которую те смогут опознать.

«Хотя это было разумно и правильно, – рассуждает он, – но мы немного поторопились. При завоевании стран и управлении государством, – заключает он с сожалением, – некоторые действия внешне кажутся разумными и правильными, но внутреннюю суть каждого дела необходимо и обязательно сообразить сто раз».

Опыт Тигра возрастал, но он еще не умел применять его на практике. Четыре тысячи монголов, подданных его матери, составлявших костяк его армии, отказались подчиниться его приказу. Вместе со своей добычей они покинули лагерь, объявив о своем переходе на

сторону Танбала через одноухого военачальника, лично обязанного Тигру. Бабур был бес-силен что-либо изменить. С этого времени он стал с ненавистью относиться ко всему, что связано с монголами, хотя они и были его предками, вплоть до самого их названия, которое он произносил «могол».

Невольно уступив главному противнику основные силы своей степной армии, юный монарх поспешил собрать все вооружение, а также людей и животных, которых сумел найти, и даже велел изготовить ручные щиты из кожи для защиты своих пеших воинов, и установить засеки-баррикады из валежника, чтобы защитить лагерь от конных набегов. Лишившись всадников, он мог, по крайней мере, обезопасить себя от их нападения.

Узнав о том, что Танбал с монголами выступил на Андижан, Бабур повел свое наспех сколоченное войско ему навстречу. Торопливо совершая маневры по окрестным деревням, он забыл о недавней предусмотрительности и оставил в тылу прикрытую щитами пехоту. Наутро конница обеих армий вступила в бой, во время которого перевес оказался на стороне опытных беков Бабура – они обратили противника в бегство и захватили несколько ковровых шатров, однако воздержавшись от преследования бежавших монголов, что было, по их мнению, небезопасно. Выигранную стычку нельзя было назвать серьезным сражением, но и впоследствии большинство из них Бабур выиграл, поскольку после них не забывал благодарить и награждать своих подчиненных. «Это была первая битва, в которой я сражался. Великий Господь по своей милости и благодати сделал тот день днем победы и торжества. Мы сочли это счастливым предзнаменованием». (И он снова не захотел поразмыслить, почему Али Дост отказался от преследования неприятеля.)

Между тем наступила зима, и обоим претендентам на престол пришлось позаботиться о крыше над головой для своих вассалов. Бабур остановил свой выбор на селениях, расположенных в центре долины, где можно было решить проблему продовольствия за счет охоты. Он был горячим поклонником этой забавы. «Возле реки Айламыш водится много маралов и кабанов, мелкие заросли изобилуют фазанами и зайцами. На холмах таится масса лисиц; эти лисицы бегают быстрее, чем лисицы из других мест. Мы охотились на маралов или разъезжали в мелких зарослях, устраивая облавы и пуская соколов на фазанов. Этой зимой я каждые два-три дня выезжал на охоту. Мы обнаружили, что фазаны стали очень жирными, и фазанье мясо было у нас вдоволь».

Его подданных не прельщала перспектива провести зиму, предаваясь охоте и сражениям. Пришлось применить силу, чтобы удержать в лагере скудоумного Живодера, – «этот изворотливый человечек» и его сородичи уже седлали коней, чтобы вернуться домой в Андижан. Али Дост, первый вельможа, вызвавший Бабура из горного убежища, с возрастающей настойчивостью требовал разрешения вернуться в Андижан на время самых сильных холодов. Инстинкт подсказывал Бабуру, что, согласившись на это требование, он совершит ошибку, но удержать Али Доста силой он не мог. «Да будет так!»

Закончившийся 1499 год был полон зловещих предзнаменований. Бабур потерял Самарканд и своего сводного брата Джахангира, превратившегося в марионетку в руках могущественных врагов, замысливших уничтожить Бабура.

И вместо перемирия Али Дост выпросил у Танбала мирный договор, предусматривавший обмен пленными и формальное обещание дружбы. По условиям этого договора за Бабуром оставался только Андижан и левый берег реки Сыр. Ахси и правый берег переходили под власть коалиции: Султан Али – Танбал – Джахангир. Не в силах противостоять попустительству Али Доста, Тигр был вынужден наблюдать за тем, как его враги разбивают свой лагерь на противоположном берегу реки.

В довершение всего юного соискателя престола склоняли к тому, чтобы он оставил свою законную вотчину – долину Ферганы – и попытался вернуть себе Самарканд. Во время перемирия к нему прибыли гонцы от самаркандских беков, предложивших ему свою помощь

в захвате города. Юный оптимист принял этот тайный визит за счастливое предзнаменование. Заветная мечта занять самаркандский престол подкреплялась нерушимой верой в свою счастливую звезду и убеждением, что все пути человека предопределены Всевышним. И так, Али Дост, подстрекаемый Танбалом, снова подготовил сдачу родного Андижана, но на этот раз все произошло с ведома его легковверного государя. Бабуру и в голову не приходило, что шансов вернуться на престол Тимура у него не осталось.

Тем временем европейцы, повстречаться с которыми Бабуру было не суждено, шли своим путем, сознавая, что конец пятнадцатого века принес с собой значительные перемены. Пьер де Байяр, наконец посвященный в рыцари за особую воинскую доблесть, проявленную в битве при Форново в Италии, продолжал вести себя так, будто по-прежнему жил в отошедшую в небытие эпоху Средневековья, и стремился служить своему королю без страха и упрека и с верой в Господа. Однако Никколо Макиавелли, никому не известный молодой посол республики Флоренция, состоявший при французском дворе, уже осознал всю тщетность междоусобных стычек. Во время своих путешествий Макиавелли стал свидетелем крушения княжеств в Италии, пытающейся, подобно Лаокоону, сбросить с себя оковы священной христианской церкви и империи. Острый парадоксальный ум Макиавелли не оставлял права на существование ни церкви, ни империи. Каждое явление объяснялось естественными причинами или чистой удачей. Изучение исторических наук подтверждало его мысль о том, что только беспощадное проявление воли может привести к власти. Эпоха помазанников божьих закончилась; на смену ей пришло время деспотов, создававших свою судьбу собственными руками.

В то же время в морских портах Португалии, оставшихся за пределами интересов Макиавелли, царило оживление. Вернулся Васко да Гама – ему удалось остаться в живых, его корабли привезли богатые грузы из далекой восточной страны Калькутты, расположенной на Малабарском побережье Индии; подписанный несколько лет назад декрет папы римского отдавал эту новую область земного шара во власть португальской короны. В 1500 году по григорианскому летосчислению да Гама, подданный Педро Альвареса Кабрала, вывел в море дюжину галеонов с лучшими мореплавателями, чтобы открыть для своего короля новые торговые порты и расширить индийские владения португальской короны.

Все эти события происходили за двадцать шесть лет до завоевания Северной Индии человеком, известным современной истории как первый из династии Великих Моголов.

Глава 2 Изгнание из Самарканда

Женщины

Пока Тигр был вынужденно ограничен стенами Андижана, три женщины, неотступно следовавшие за ним из одной ставки в другую, получили короткую передышку и возможность провести зиму в родном доме среди привычной прислуги. В отличие от остальных родственников женщины, за единственным исключением, хранили Бабуру верность. Его бдительная бабушка, водворившаяся в свою башню, чувствовала приближающуюся старость и донимала его своими подозрениями относительно Али Доста, считая, что он, так же как и покойный сын Якуба, опутал ее внука золотыми сетями, позволяя ему лишь формально числиться государем. Ханзаде, которая еще не имела собственной семьи, вместе с Бабуром мечтала о возвращении в Самарканд. В то же время мать непрерывно ворчала, что Тигру вот-вот исполнится девятнадцать и что настало время привести в дом жену.

Судя по всему, в этот период Бабур был полностью захвачен чтением. Со своими любимыми книгами он не расставался даже во время прогулок в горах. Там, на горных склонах, он встречался с праведниками, учениками Ахрари, которые возлагали на него большие надежды. Юный правитель пытался изложить свои незрелые философские идеи в стихах, составленных, в зависимости от настроения, то на тюркском языке, которым объяснялся простой народ, то на ученом персидском.

Однако он ни с кем не обсуждал женщин и отношений между полами.

Его мать задалась целью ввести в дом ту самую невесту, с которой его обручили еще в детстве. Принцесса Айша прибыла из Самарканда в сопровождении кормилицы и прислуги, привезя с собой сундук приданого, – теперь это была взрослая женщина, чужая и неизвестная до тех пор, пока Бабур, в качестве супруга, не откинул покрывало с ее лица. Это произошло в Ходженте, на главной дороге. По прошествии некоторого времени его первоначальная страсть утихла, и между супругами установились довольно прохладные отношения, – его излишняя сдержанность порождала обиду с ее стороны. Возможно, из-за тесной дружбы с Ханзаде он не нуждался в обществе другой женщины. «Я входил к ней один раз в десять или двадцать дней. Моя застенчивость возрастала, и моя мать, то и дело понуждая меня, заставляла посещать ее раз в месяц или сорок дней».

Его невнимание к Айше имело свои причины. В то время, как он признавался, в его сердце зародилась страсть к юноше из обоза по имени Бабури, так похожему на его собственное. Не в силах избавиться от этого наваждения, Бабур написал стихи, в которых попытался рассказать об овладевшем им любовном безумии.

«До этого я ни к кому не чувствовал склонности и даже не слушал и не говорил о любви и страсти. Среди стихов, написанных мною тогда, были строки, в которых я говорил о себе как о неопытном и робком любовнике. Когда Бабури пришел ко мне в покои, я от стыда и смущения не мог даже взглянуть в его сторону.

Я смущаюсь, едва увижу перед собой любимого,
Другие смотрят на меня, а я отворачиваюсь.

Где уж мне было общаться или разговаривать с ним! От волнения и опьянения страстью я не мог даже поблагодарить его за посещение или умолять, чтобы он не покидал меня.

Однажды в пору такой влюбленности и страсти со мной находилось несколько человек, я проходил по какой-то улице. Внезапно мне встретился Бабури. От смущения я не мог посмотреть ему в лицо или завязать разговор. В великом беспокойстве и волнении я прошел мимо.

От волнения, любви и страсти, от кипения и безумия молодости я ходил с обнаженной головой и босой по улицам и переулкам, по садам и виноградникам. Иногда я, словно юродивый, бродил один по холмам. Бродил я не по своей воле; не выбирал я, куда идти и где оставаться. Я не обращал внимания ни на друзей, ни на посетителей, не заботился об уважении к себе.

Желание лишило меня власти над собой,
Не знал я, что это происходит от любви к прекрасному лицу».

В конце концов Бабуру удалось преодолеть свою страсть к этому юноше. Видимо, больше ничего подобного с ним не случилось. Однако Айши он лишился – после рождения дочери, прожившей всего несколько месяцев, она оставила Бабура. В его отношениях с женщинами, искренне привязанными к нему, прослеживалась необъяснимая фатальность, которая распространяюсь и на рожденных от них детей.

Однако юный монарх, озабоченный натянутыми отношениями с Айшой и болезненным ослеплением мальчиком Бабури, убедился, что его полновластный вельможа готовит заговор. Бабур больше не нуждался в непрерывных предостережениях Исан, призывавшей его смотреть на происходящее открытыми глазами. К этому времени у него сложилось исчерпывающее представление о характере Али Доста. «Али Дост Тагай, из беков тумана Сагаричи, родич моей бабушки по матери, Исан Даулатбиким. Он был деспотом по натуре. Я оказывал ему большие милости, чем те, которыми он пользовался во времена Омар Шейхамирзы. Говорили, что он человек деловой, но за те несколько лет, что он был при мне, он не сделал ни одного дела, о котором стоило бы говорить. Служа султану Абу Саиду-мирзе, он притязал на умение вызвать дождь посредством камня «яда». Это был сокольничий, человек с негодными свойствами и повадками, скряга, смутьян, тупица, лицемер, самодовольный, грубый, жестокосердый».

Бабур мог рассчитывать на преданность лишь одного человека; и за махинациями Али Доста при их скромном дворе они с Исан наблюдали вместе.

«После нашего возвращения в Андижан повадки Али Доста стали совсем иные. Он начал дурно обращаться с людьми, которые были при мне в дни скитаний и испытаний. Кого-то он прогнал; Тощего бека заточил и лишил имущества; избавился от Касим-бека. Объявил, что Халифа, близкий друг ходжи Кази, замышляет убить его в отместку за кровь ходжи. Сын Али Доста вел себя как претендент на престол, собирал вокруг себя людей знатных и угощал за своим столом по-царски. Отец и сын совершали подобные дела, рассчитывая на поддержку Танбала».

Воспользовавшись условиями мирного договора, Танбал держан свое войско наготове, расположив его на противоположном берегу реки; учитывая близость противника, Тигр не мог помышлять о том, чтобы поднять своих преданных сторонников против придворной клики Али Доста. Думать об отъезде из Андижана тем более не приходилось. «К чему? Мое положение было исключительно сложным; ни одно слово не произносилось открыто, но я был вынужден выносить оскорбления со стороны отца и сына».

Терпение Тигра имело пределы, – заговорщики не могли этого не понимать. Понаблюдав за сыном Али Доста, который через несколько недель собирался занять престол Анди-

жана, он непременно предпримет попытку сопротивления, чем бы она ни закончилась. На этом строился их расчет, и надо сказать, вполне обоснованный.

Однако Бабур бездействовал. Этот ловкий ход объясняется, вероятно, искусностью Исан, – он сделал вид, что проглотил предложенную наживку. Тигр объявил о своем намерении захватить Самарканд и собрал войско, чтобы возглавить поход.

Обстановка в Самарканде очень напоминала ту, что сложилась в Андижане. Стоявшая у власти клика Султан Али лишила городских вельмож всех источников дохода. Положение осложняли знатные семьи, владевшие обширными поместьями в округе и считавшиеся привилегированным классом – так называемыми тарханами; свой титул они получили еще в дни правления Тимура и не собирались терпеть унижения, усугубленные утратой земель и состояния. Некоторые из молодых наследников взялись за оружие и сели на коней, присоединившись к монгольскому контингенту армии. Полководцам Султан Али удалось одержать верх над восставшими тарханами. («Султан Али-мирза хоть бы одно дело довел до конца».) Помня о великодушии, проявленном Бабуром во время его стодневного правления, непокорные тарханы настойчиво предлагали ему вернуть престол, опираясь на их поддержку.

В подобном клубке интриг на роль посланца нужно было выбрать человека, вызывающего к себе доверие. Именно такой человек и доставил последнее письмо из Самарканда – это был монгол по происхождению, который проявил себя при обороне Андижана, защищая ходжу Кази. Ему Бабур поверил. Больше того, он спешно отправил монгольского гонца в Акси, к своему брату Джахангиру, чтобы заверить его в строгом следовании условиям договора, по которому вся Ферганская долина отходила Джахангиру, а Бабур возвращал себе Самарканд.

«Я сам выступил в поход на Самарканд во главе своего войска. То было в месяце зуль-када¹²».

До сих пор Тигр во всем полагался на советы своей бабушки. Но он никогда не мог воздержаться от искушения выступить на врага, почти не имея военной поддержки.

Если говорить о Европе, подобные поступки были вполне в духе юного шевалье де Байяра. Однако Байяром руководил незамысловатый кодекс западного рыцарства, предписывавший обнажать меч в интересах своего короля и во славу Бога. Ответственность уроженца Азии была неизмеримо большей. Традиции обязывали Бабура заботиться о каждом, кто находился у него в подчинении, – о воинах его армии и таджиках, населявших города долины. Наследие монгольских предков предписывало ему управлять страной, придерживаясь Ясы великого Чингисхана, хотя самого Бабура в большей степени привлекали законы шариата – основы ислама. Безжалостный эмир Тимур раз и навсегда разрешил противоречие между двумя традициями – монгольскими законами и исламом, – допуская лишь формальное выполнение их требований на время воплощения своего грандиозного замысла по созданию в Самарканде нового центра среднеазиатской культуры. Тимур замыслил основать в Азии новый Рим, который был призван служить оплотом против кочевых племен и ограничить влияние Китайского Дракона, чей престол он надеялся позднее подчинить себе. Теперь китайское присутствие распространилось до Кашгара и Тибета, находившихся всего в нескольких днях пути от родной долины Бабура.

Итак, стремясь воплотить волю Аллаха и чувствуя на себе ответственность за «нашу страну и наш народ», которые еще не были нацией в полном смысле слова, Бабур чувствовал себя призванным восстановить распавшийся доминион Тимура – культурное государство, сосредоточенное вокруг Самарканда. Стремясь овладеть этим городом, Тигр не просто искал

---

¹² Месяц зуль-када соответствует июню.

безопасного убежища, но пытался выполнить своего рода долг и осуществить мечту Тимура. И не задумывался о том, возможно ли это.

В июне на Самарканд двинулись узбеки – самые опасные из кочевников.

В те времена в Центральной Азии титулы отражали скорее историю рода, чем существующее положение вещей; слово «султан» происходило из арабского языка; «шах» и «мирза» – из персидского; «хан» – из тюркского и монгольского. Обычно эти слова являлись не более чем почетными титулами или создавали видимость благородного происхождения, иногда же просто самовольно присваивались, – именно так поступил никому не известный кипчак тюркского происхождения, который стал правителем Кундуза и назвал себя Хосров-шахом, то есть в буквальном переводе – повелителем царей. Однако слово «хан» после монгольского имени указывало на царское происхождение – так же, как слово «мирза» обозначало принадлежность к роду Тимуридов. Бег или бек в Европе назывался бы сеньором. Бабур обычно указывал вместе с именами и все титулы, например Султан Али-мирза, называемый в книге Султан Али. Если говорить о женщинах, ханум и биким указывали на принадлежность к царской фамилии. Слово «монгол» приводится в соответствии с орфографией Бабура – «могол», «могул», «мугал». В последующих главах книги используется все больше и больше цитат, поэтому титулы и оригинальная орфография будут встречаться довольно часто.

Милость Шейбани-хана

Уходя из Андижана, Тигр предусмотрительно оставил там семью, чтобы не возбудить подозрений своего стража, Али Доста. С собой он взял лишь «наиболее преданных слуг», среди них своего библиотекаря Ходжу и Лази, личного слугу. Только среди людей, чья преданность не вызывала сомнения, он мог ложиться спать, сняв с себя кольчугу и сложив оружие на пол возле постели. Он не имел права ошибиться в оценке верности своих людей. Однако один из воинов Бабура бежал в Самарканд, чтобы предупредить Султан Али о его приближении.

Скрытно стать лагерем на караванной дороге было невозможно. В каждом ущелье, на каждом мосту за Бабуром следили зоркие глаза, оценивая его силы, и впереди его войска бежала весть о том, что сын Омар Шейха набирает себе воинов. Каждую ночь в лагерь прибывали свежие воины или гонцы с дружественными приветствиями от беков, считавших более благоразумным держаться от него на расстоянии. Касим-бек привел своих приближенных, а также захватил с собой товарищей по изгнанию, пострадавших от Али Доста. Неожиданно появился и сам Али Дост в сопровождении своего сына и придворных – он сказал, что их встреча произошла благодаря счастливому совпадению. «Как будто сошлись в заранее назначенном месте», – любезно согласился Бабур, зная, что о совпадении говорить не приходится. Однако даже теперь соотношение сил было между ними почти равным.

Бабура позабавило прибытие самонадеянного Живодера, который явился полный раскаяния, «с непокрытой головой и босыми ногами». Живодер решил лично отправиться к Танбану в Ахси и добился лишь того, что его схватили и отобрали все имущество. В утешение ему Бабур, в присутствии Али Доста, прочитан сочиненные туг же стихотворные строки:

Поверь другу, и он сдерет с тебя кожу.
Друг твой набьет твою шкуру соломой.

Совместное путешествие завершилось в караван-сараях близ Самарканда, где Али Дост пал жертвой собственной хитрости. Тарханы и городские беки объединились со своими последователями. В городе они оставили некоего праведника, сообщили они, который должен склонить на их сторону простой народ. Всем было ясно, что прочные стены столицы Тимура устоят перед любым натиском, и только предательство может открыть им городские ворота.

Напоследок Али Дост показал себя решительным человеком. Испуганный и, возможно, пристыженный, он явился к Бабуру в его новый лагерь, чтобы попросить разрешения покинуть свой пост при дворе. Тигр тотчас же удовлетворил его просьбу. В результате Али Дост и его сын удалились, чтобы немедленно перейти на службу к Танбалу, – отец вскоре умер от рака, а сын стал изгнанником. Впоследствии он был выслежен в горах узбеками, захвачен в плен и ослеплен. «Соль выела ему глаза», – заметил Бабур.

Однако на этот раз Самарканд он не получил. Положение менялось со скоростью kaleydоскопа, узоры которого складывались в новые пугающие сочетания...

С запада стремительно надвигались узбеки. Над страной, подобно тени ястреба, витала угроза. Как только раздался крик «Шейбани-хан идет!», клубок распрей и союзов распался. Мать Султан Али, сгорая от желания войти в шатер знаменитого вождя, пообещала открыть для него ворота города. После недолгих колебаний Султан Али с упрямством малодушного человека выехал из города, чтобы встретить Узбека в Садах на Равнине. Шейбани-хан держался с ним как с низшим и не оказал ему никаких почестей, и это при том, что ввел в свой шатер его мать-предательницу. Опасаясь за свою жизнь, сын попытался бежать от хана. Его

сопровождали до лугов, где и убили. Ходжа Яхья, праведник, что служил тарханам, был отведен подальше на дорогу и предан смерти двумя приближенными Шейбани-хана, отрицавшего свою причастность к убийству. Тем не менее преподобный ходжа был мертв, царевича из рода Тимуридов также больше не было в живых, и теперь решающий голос принадлежал Шейбани-хану.

Эти известия распространялись от селения к селению и наконец достигли Бабура, направлявшегося на юг. Узнав о случившемся, вожди тарханов попытались уговорить Бабура отправиться ко двору единственного человека, который мог предоставить им защиту, – Хосров-шаха, правителя Хисара и Кундуза, лежащих за горной грядой. Идти к нему Бабур отказался. Он повернул обратно, решив вернуться в свою родную долину, но ему сообщили, что ее захватил Танбал. Ведя своих приближенных в обход, Тигр достиг отрогов Темных гор и по ущельям поднялся к вершинам, продвигаясь по горным тропам, где люди и животные погибали, срываясь вниз. Дойдя до сияющей глади озера, раскинувшегося на территории племен, которые и в прежние времена предоставляли ему убежище, он укрылся в уединенной крепости. Здесь он снова произвел подсчет своих приближенных и обнаружил, что их двести сорок человек, включая Живодера. Тигр вновь лишился семьи и родного дома, к тому же в этих местах он был единственным оставшимся в живых потомком Тимура. Внизу по дорогам долины наступали узбеки, численность которых достигала трех-четырёх тысяч. Вскоре явившийся из-за реки Шейбани утвердился в стенах Самарканда; но пока – об этом сообщили из Садов на Равнине – осторожный Узбек остается в своем лагере за пределами городских стен. Нет сомнений в том, что пройдет всего несколько дней, и он войдет в город. Ради этой ничтожной отсрочки горожане не захотят вступать в бой с узбеками. Окажись с ними Бабур, возможно, они стали бы сражаться ради него.

Беки Бабура препирались друг с другом в горном убежище. Слушая их, Бабур сказал: «Как бы то ни было, когда-нибудь мы с божьей помощью возьмем Самарканд».

Попытка Бабура с налета захватить город окончилась полным унижением. Мощные стены оборонял бдительный отряд, и участники нападения отхлынули не менее проворно, чем шли в бой. Укрывшись в безопасных горах, юный Тигр довольно трезво оценивал свое положение. Сознывая собственную неопытность, он понимал, что его противник – одаренный полководец с большим опытом. Из страха перед узбеками местное население не решалось поддержать Бабура. К тому же теперь городской гарнизон готов к отражению следующей попытки нападения.

В довершение всего продовольственные запасы были на исходе. Беки, празднично сидя в своих шатрах, не могли предложить никакого плана и лишь вели нескончаемые споры, пока однажды Бабур не прервал их пререкания.

«А ну-ка, пусть каждый из вас хорошенько подумает и скажет, когда мы с божьей помощью возьмем Самарканд?» Некоторые ответили: «Возьмем в следующие жаркие месяцы». А на дворе стояла поздняя осень. Другие говорили: кто – «через месяц», кто – «через сорок дней», кто – «через двадцать». Военачальник Кукулдаш заявил: «Через четырнадцать дней возьмем». Бог указан, что тот был прав: ровно через четырнадцать дней мы взяли город.

В это время я видел удивительный сон: мне приснилось, будто ко мне пришел досточтимый ходжа Убайд Аллах [Ахрари], руководитель святых. Я вышел ему навстречу, ходжа вошел и сел. Перед ходжой расстелили достархан¹³, быть может, слишком простой. По этой причине в сердце досточтимого ходжи запала некоторая обида. Я сделал знак, что это не моя вина. Ходжа понял, и извинение было принято. Он встал, я вышел его проводить. Он взял

¹³ Достархан (*перс.*) – буквально: обеденная скатерть; в переносном смысле – угощение.

меня за правую руку и так приподнял, что одна моя нога отделилась от земли. Ходжа сказал по-тюркски: «Шейх дал тебе Самарканд».

После этого, хотя замысел наш был известен, мы положились на Бога. Мы двинулись на Самарканд вторично. Ходжа Абд-аль-Макарарам сопровождал нас. [Возможно, чтобы подкрепить знамение, данное Бабуру во сне.] В полночь мы достигли моста через Пул-и-Магак [Глубокий ров] в общественном саду. Оттуда мы отрядили семьдесят или восемьдесят надежных людей с лестницами, чтобы они приставили лестницы к стенам крепости против Пещеры Влюбленных, поднялись, вошли, двинулись на людей, поставленных у Бирюзовых ворот, захватили ворота и послали к нам вестника. Эти йигиты приставили лестницы, поднялись по ним, и никто не проведал об этом. Зарубив тархана и нескольких стражников, они сбили топорами замок с ворот и открыли их. Как раз в это время я подросел и вошел в Бирюзовые ворота. Когда мы вошли в город и расположились в ханаке¹⁴, туда явился Ахмед-тархан с несколькими воинами.

Жители города еще спали. Но некоторые владельцы лавок, выглянув, догадались, в чем дело, и возносили благодарственные молитвы. Через некоторое время обитатели города все узнали. наших людей и горожан охватила необыкновенная радость и возбуждение; они убивали узбеков на улицах камнями и палками, словно бешеных собак; около четырехсот или пятисот узбеков было убито таким образом. Городской даруга¹⁵ Джан Вафа жил в доме ходжи Яхьи. Он бежал и ушел к Шейбани-хану.

Я находился у входа в ханак. До рассвета всюду слышались шум и громкие крики. Некоторые знатные жители и купцы, узнав о случившемся, с радостью и восторгом подходили со мной поздороваться, приносили приготовленное угощение и возносили за меня молитвы. Когда наступило утро, пришло известие, что у Железных ворот узбеки укрепили пространство между двумя входами и сопротивляются. Я тотчас сел на коня и отправился к воротам. Со мной было человек пятнадцать; но еще до того, как я туда прибыл, городская чернь, обыскивая каждый угол в поисках добычи, прогнала узбеков. Шейбани-хан, узнав об этом, поспешно подъехал после восхода солнца с сотней или полутора сотней людей. Это предоставляло прекрасную возможность, но со мной было слишком мало людей. Шейбани-хан увидел, что ничего нельзя поделать, и быстро отступил. От Железных ворот я двинулся в крепость и далее в Бустан-Сарай¹⁶. Знатные и богатые горожане пришли приветствовать меня и поблагодарить.

Почти сто сорок лет Самарканд был столицей нашей династии. Неизвестно откуда взявшийся Узбек, чужак и враг, пришел и захватил его. Бог снова отдал нам владения, ушедшие из наших рук – опустошенная, разграбленная область опять подчинилась нашей власти... Цель этих слов не в том, чтобы бросить в кого-нибудь камень умаления, и дело происходило именно так, как сказано.

По случаю этой победы поэты сочиняли стихи; один из них остался у меня в памяти:

Скажи мне, о мудрец, что это за событие?
Знай – оно победа Бабура-воителя».

Бабур, как обычно, не скрывал своего ликования и проникся убеждением, что на горизонте засияла его счастливая звезда. Жители окрестных селений брались за оружие, чтобы вышвырнуть узбеков из долины. В то время как Бабур ревниво подсчитывал свой реванш, воинственный Шейбани-хан предпочел покинуть этот растревоженный улей и увел свое вой-

---

¹⁴ Х а н а к а – общежитие дервишей (нищенствующих монахов).

¹⁵ Д а р у г а – правитель, градоначальник.

¹⁶ Б у с т а н - С а р а й – дворец в саду.

ско на запад. Тигр вновь воссоединился со своим семейством, и маленькая Айша родила ему дочь. Девочке, которая прожила совсем недолго, дали имя Фахр ан-Ниса (Слава женщин). Счастливая Ханзаде, вновь занявшая свои покои во дворце, сопровождала Бабура в поездках, как бы стремясь заменить непокорного младшего брата.

В те дни Бабур получил известие, что в дальнюю ставку Узбека пришел большой караван с севера. К хану и его полководцам прибыли их жены и домочадцы. Это свидетельствовало о том, что узбеки не собираются отказываться от своих намерений.

Бабур и его приближенные понимали, что о безопасности говорить еще рано. Дождавшись зимы, они поспешно разослали письма всем дальним родственникам и тем, кто в свое время поддерживал дружественные отношения с Омар Шейхом, призывая их объединить свои силы и, сплотившись под началом Бабура, подняться на борьбу с узбекскими захватчиками. Мысль была вполне своевременной.

Шейбани-хан был чужаком, как говорил Бабур, но отнюдь не личностью неизвестного происхождения. Он носил имя Шейбани, сына Джучи-хана, старшего из сыновей Чингисхана. Его предок, Батый Великолепный, был повелителем Золотой Орды, впоследствии распавшейся на враждующие между собой уделы, рассеянные по берегам Волги и Черного моря – между русскими городами, еще недавно находившимися во власти татаро-монголов, и горными барьерами Центральной Азии. В восточных областях узбеки все еще поддерживали уцелевшие остатки Золотой Орды. За время своего правления дед Шейбани укрепил мощь узбеков, создав кочевое государство, захватившее территории от пограничных постов Китая до Москвы – столицы будущей Российской империи. В восточных областях этих территорий обособленно проживали кочевые казахские племена. Юнус-хану хватило одного сражения, в котором он наголову разбил дикие орды узбеков и убил отца Шейбани. В юности Шейбани-хан был не более чем искателем приключений, авантюристом, как и Бабур. С востока на узбеков наседали еще более дикие казахи и язычники-киргизы. Стремясь избежать их натиска, Шейбани решил увести подчинявшиеся ему воинственные племена с пастбищ, раскинувшихся по берегам Аральского моря, и двинуться на юг. Совершив ряд пробных набегов на плодородные долины, где царствовали Тимуриды, Шейбани нащупал их слабые места и повел свой народ на завоевание южных земель – сердцевину основанной Тимуром империи. К тому времени священная Бухара уже находилась в его власти. Прибытие семей узбекских захватчиков ясно говорило о том, что Самарканд также значится в их планах.

Оставалось лишь ждать, когда Шейбани-хан предпримет решающее наступление.

Сражение у переправы

Хайдар, что значит Лев, двоюродный брат Бабура, высказал об узбекском хане любопытное суждение: «Он был большой человек, но не купец и не придворный». Шейбани-хан назначал одних заместителей, чтобы управлять двором, и других – чтобы следить за торговлей, сам же был всецело поглощен своим войском и новыми завоеваниями. Его образованием занимались муллы, придерживавшиеся ортодоксального направления ислама; он владел тремя языками и возбуждал несомненное восхищение женщин города. Бабур называл его варваром, но это не соответствовало действительности. Истинное положение вещей было куда серьезнее – во главе варваров стоял образованный человек, жестокий и решительный, умеющий искусно скрывать свои истинные намерения; он с полным равнодушием наблюдал за тем, как его соплеменники стирают с лица земли целые города, чтобы создать на их месте свои кочевые уделы. Шейбани претендовал на роль истинного продолжателя Чингисхана. Иногда историки называют его владения последней империей кочевников.

Ранней весной, в апреле 1501 года, Бабур повел свою немногочисленную армию в поход, рассчитывая разгромить лагерь узбеков. Так или иначе, но пойти на это было необходимо, поскольку войско не могло бесконечно отсиживаться за прочными стенами Самарканда, в то время как неприятель хозяйничал в стране, разоряя жизненно важные земельные угодья. Многие говорили за то, что обстоятельства складываются не в пользу Бабура, но он не внял предостережениям. Помощь родственников носила чисто символический характер: дядя Бабура, Махмуд-хан, правивший в те дни Ташкентом, прислал четыре или пять сотен всадников с двумя полководцами; Джахангир, клятвенно пообещавший ему свою помощь, – так же, как и правитель Ферганы, – с благословения Танбала расщедрился на сотню. Царевичи из дома Тимура, занимавшие престол великого Герата, расположенного далеко на западе, не прислали даже ободряющего письма. С юга, где правил Хосров-шах, поддерживавший тарханов, также не пришло ничего: шах опасался, что Бабур захочет отомстить ему за убийство царевича Байсункара.

Однако кое-кто из тарханов вернулся к Бабуру, приведя с собой и своих приближенных. Собралось довольно внушительное войско, которое не теряло веры в счастливую звезду своего предводителя. Он ясно, но слишком поздно осознал, что совершил ошибку, – ему следовало дожидаться подкрепления. Он выступил из города, соблюдая все предосторожности, миновал его окрестности и двинулся вдоль реки, протекавшей через Самарканд и Бухару. Обнаружив узбеков на противоположном берегу, Бабур приказал соорудить укрепления, обнесенные рвами и поваленными деревьями.

Здесь Тигр допустил еще один просчет. Камбар Али (Живодер) подговаривал его отложить сражение, к тому же и астрологи указывали на то, что все восемь звезд Большой Медведицы видны в небе точно между двумя армиями, а через несколько дней передвинутся на сторону узбеков. «Это была совершенная глупость», – позднее признал Бабур.

Итак, он отдал своему войску приказ выйти из укрепленного лагеря и атаковать державшихся настороже узбеков у переправы через реку.

Сам Тигр с близкого расстояния следил за ходом сражения. Вскоре он понял, что происходящее вышло из-под его контроля, и он, как в кошмарном сне, может лишь беспомощно наблюдать за надвигающейся катастрофой.

Касим-бек с отборными самаркандскими воинами вышел на передний край, намереваясь нанести удар по центру узбекского войска, чтобы затем, соединившись с Бабуром и остальными силами, прорвать оборону противника. Казалось, успех на их стороне. В самый разгар битвы, после того как силы нападающих соединились, самаркандцы отчаянно устре-

мились в атаку, выдвинув вперед правое крыло. По их мнению, именно здесь находилось слабое звено противника.

Битва, разгоревшаяся вокруг самаркандских рядов, переместилась на левый фланг, создав угрозу окружения. Находящемуся в тылу войска Бабуру приходилось отбивать атаки прорвавшихся к нему вражеских всадников. Свой авангард, отрезанный от основных сил и продолжавший прорубаться вперед, он уже потерял из виду.

Он понимал, что происходит, и даже указал название этого старинного монгольского приема: *тулугма* — «развернутое наступление», — когда специально отобранные воины правого фланга на полном скаку заходят неприятелю в тыл, осыпая врага тучами стрел. Шейбани-хан применил этот маневр, чтобы прорвать оборону Бабура на левом фланге и окружить его войско.

Прежде чем авангард во главе с Касим-беком успел осознать происходящее, стремительные всадники сделали свое дело, и самаркандцы пробивали себе путь к отступлению вдоль берега.

«Со мной оставалось десять или двенадцать человек; река Кухак была недалеко. Мы потянулись прямо к реке; достигнув реки, мы вошли в воду как были — в кольчугах и в латах. Больше половины реки мы прошли прямо по дну, дальше было глубокое место. На протяжении полета стрелы лошади двигались вплавь, нагруженные нашим боевым снаряжением и оружием. Выйдя из воды, мы освободили лошадей от тяжести. Перебравшись на северный берег реки, мы ушли от врага. Монгольские войска, пришедшие мне на помощь, уже не вели сражение. Они занимались тем, что стаскивали с лошадей моих воинов и грабили их, раздевая до нитки. Таков уж обычай этих язычников-монголов. Подобное бывало не раз; победив, они хватают добычу, а если их побеждают, они грабят своих союзников, сшибают их с коней и тоже хватают добычу. Ибрахим-тархан и множество лучших наших йигитов лишились коней и были убиты монголами».

Позднее чья-то рука, — возможно, рука самого Бабура, — добавила к этой записи стихи:

Будь монголы племенем ангелов, они не стали бы лучше.
Даже выбитое на золоте имя их внушает отвращение.

Заклеймив такими словами племя своих предков, Бабур привел афоризм, комментирующий его поражение у переправы: «Кто действует слишком поспешно, живет, держа во рту палец раскаяния».

Его раскаяние было глубоким и неутешным. Всего несколько дней назад он взшел на престол могущественной крепости под ликующие возгласы народа, а на помощь к нему направлялось сильное войско. Если бы он только дождался его прибытия в укрепленном лагере, чтобы с удвоенными силами встретить атаку узбеков!

Больше Тигр никогда не полагался на наемников и не позволял астрологам влиять на свои решения. И никогда не забывал ужасных всадников, кружащих рядом с ним в тылу войска. Против этого маневра было бессильно самое лучшее вооружение, отличные боевые кони и личная храбрость. В итоге множество его проверенных товарищей и великолепных воинов осталось лежать бездыханными на поле сражения.

Безудержно отступавшая к воротам Самарканда армия Бабура прекратила свое существование. Разумеется, первыми сбежали монголы, прихватив все свое снаряжение, а также награбленную добычу; кое-кто из могущественных беков, почуввав надвигающуюся опасность, тоже решил не возвращаться в город. Камбар Али — Бабур не мог не вспомнить о том, что в жилах безответственного Живодера течет монгольская кровь, — последовал их

примеру, после того как перевез свою семью и имущество ко двору Хосрова. Другие внешне соблюдали лояльность и вернулись к Бабуру, заняв рядом с ним свое место в совете, – но сначала увезли свои семьи подальше. Все это не укрылось от внимания Бабура.

Нисколько не удивило его и то, что разосланный ко дворам родственников призыв о помощи остался без ответа. Получив ничтожную поддержку в тот момент, когда казалось, что победа на его стороне, он едва ли мог рассчитывать на нее в час своего поражения. С яростью воспринял он известие о том, что в город прибыл гонец от султана далекого Герата, – но не к нему, а к Шейбани-хану.

Несмотря ни на что, Бабур решил стоять за Самарканд насмерть. Верные ему Касимбек и ходжа Макарам решили привлечь к обороне оставшиеся силы и создать мобильный резерв из безусловно преданных людей, направляя его в наиболее опасные точки на городских стенах, наблюдение за которыми, – об их обороне говорить не приходилось, – следовало поручить горожанам. Сами стены были достаточно крепкими, чтобы некоторое время сдерживать атаки врага.

Тем временем новорожденная дочь Бабура умерла, а жена, Айша, оставила его. Ханзаде, чувствуя свою беспомощность в разгар военных действий, не выходила из своих покоев, предаваясь скорби.

«Беглецы думают только о бегстве»

После допущенного промаха Тигр проявил немалое мужество. Его двоюродный брат Хайдар отмечает, что «Бабур обладал большим мужеством, чем остальные члены его рода. И ни один из его соплеменников не переживал таких необыкновенных приключений».

К тому времени узбеки заняли пригороды, и после нескольких вражеских попыток пробить брешь в обороне города Бабур уяснил, что основная проблема заключается в городском населении, которое, не слишком пострадав, проявляло неуместную храбрость.

«...посреди города, под аркой медресе Улугбека поставили шатер, и я находился там. Простолюдины из каждого предместья и с каждой улицы Самарканда, собираясь толпами и возглашая за меня свои простодушные молитвы, приходили к воротам медресе. Шейбани-хан не решался начать сражение. Несколько дней прошло таким образом. Чернь, не знавшая ран от стрел или мечей, осмелела. Если выдавшие виды йигиты удерживали этих людей от бесполезных вылазок, их принимались ругать. Однажды Шейбани-хан начал бой у Железных ворот. Расхрабрившиеся простолюдины смело и далеко рванулись вперед. Я приказал конным йигитам под командой Кукулдаша следовать за ними, чтобы прикрыть их отступление. Узбеки спешили и потеснили простолюдинов, прижав к воротам... Беглецы думают только о бегстве; время пускать стрелы или сражаться для них миновало. Я стрелял из арбалета, стоя над воротами. Я поразил стрелой коня узбекского военачальника конной сотни. Враги наседали и дошли до подножия вала. Занятые сражением в этом месте, мы совсем забыли о другой части города. Там находилось в засаде около восьмисот отборных воинов, а при них – двадцать пять широких лестниц. Шейбани-хан тем временем совершал нападения с нашей стороны.

Кучбек с тремя смелыми йигитами напали на врагов, поднимавшихся по лестницам, сбросили их вниз и обратили в бегство. Лучше всех действовал сам Кучбек, и это был один из его достохвальных подвигов.

В другой раз Касим-бек во главе своих молодцов выехал из ворот Сузангаран, сшиб с коней нескольких узбеков и вернулся с их головами».

Личная храбрость была необходима при обороне городских стен, но не могла облегчить тяготы осажденных. Опытные узбеки прекратили попытки взять город штурмом и отошли на исходные позиции, совершая по ночам вылазки, сопровождаемые грохотом литавр – для того, чтобы лишить сна обессиленных защитников. К тому же в городе начинался голод.

«Пришла пора созревания хлебов, но никто не привозил в город нового зерна. Люди терпели большие лишения; дошло до того, что бедные и нуждающиеся стали есть собачье и ослиное мясо. Обычный корм для коней сделался редкостью, их кормили листьями с деревьев. По опыту оказалось, что лучше всего для этого подходят листья туты и карагача. Многие давали коням размоченные в воде стружки.

В старину говорили: «Чтобы удержать крепость, надобна голова, две руки и надобны две ноги. Голова – это полководец, две руки – подкрепление и помощь, две ноги – вода и припасы в крепости». Мы рассчитывали на помощь и поддержку соседних властителей, но у них были свои планы. Воины и горожане, утратив надежду, начали по двое, по трое убегать из крепости... Даже близкие мне люди и мужи, достойные уважения, перелезли через стену и убегали. В помощи со стороны мы совершенно отчаялись, продовольствия и припасов было мало, а то, что оставалось, приходило к концу.

Шейбани-хан, проведав о страданиях моих людей, пришел и стал лагерем возле Ворот Влюбленных. Я, со своей стороны, перешел на Нижнюю улицу и встал напротив Шейбани-хана.

В эти дни Узун Хасан [бывший командир монголов] вступил в город с десятком нукеров. Это он был подстрекателем мятежа Джахангира-мирзы и виновником нашего ухода из Самарканда. Его приход был очень смелым поступком. Через него Шейбани-хан повел разговор о мире. Будь у нас надежда на помощь, будь у нас припасы, кто стал бы слушать слова о мире? Нужда заставила! Заключив нечто вроде перемирия, мы ночью покинули город через ворота Шейхзаде. Я увез с собой Ханум, мою матушку. Моя старшая сестра, Ханзаде-биким, попала в руки Шейбани-хана».

(Так утверждает Бабур. Хайдар сообщает, что Ханзаде была отдана узбекам. Скорее всего, истина заключается в том, что честолюбивая старшая сестра Бабура явилась к Шейбани-хану добровольно, поскольку всегда старалась по мере сил служить интересам своего брата. Его самоотверженная бабушка также предпочла остаться в Самарканде.)

Понятно, что сам Бабур вряд ли мог рассчитывать на обещанную Шейбани безопасность. Горстка его приближенных не решилась идти по главной улице и, дождавшись ночи, покинула город, держась вдоль оросительных каналов, ведущих к берегу реки.

«Темной ночью, кружа между большими арыками Сугуда, мы сбились с дороги и ко времени предрассветной молитвы поднялись на холм Карбук... По дороге мы с Камбар Али и Касим-беком затеяли скачки наперегонки. Мой конь пришел первым. Желая взглянуть, насколько отстали те двое, я обернулся; подпруга у моего седла, вероятно, ослабла, седло перевернулось, и я упал, ударившись головой о землю. Хотя я тотчас поднялся и сел на коня, разум мой мутился до самого вечера. События тех дней мелькали у меня перед глазами, точно сновидения или призраки. Вечером, во время предзакатной молитвы, мы остановились в Илан-Уты. Зарезав лошадь, изжарили мясо, поели и двинулись дальше...

...Мы прибыли в Джизак. Там были белые лепешки и жирное мясо, сладкие дыни и прекрасный виноград. После великой нужды мы увидели изобилие, после стольких испытаний оказались в безопасном месте.

Страх смерти покинул нас,
Страдания и голод остались позади.

Никогда в жизни мы так не отдыхали – ведь наслаждение после нужды и безопасность вслед за тревогой кажутся вдвойне сладкими. Четыре или пять раз приходилось нам переходить от беды к радости и от трудностей к благоденствию, и это был первый раз. Избавившись от врага, мы три или четыре дня отдыхали в Джизаке».

Тигр снова оказался в горах, среди пастухов.

До наступления зимы он успел подготовиться к очередному изгнанию и увез мать, которая в то время болела, под защиту Каменного города, – его дядя Махмуд-хан предоставил им глинобитный дом в одном из окрестных селений. Селение представляло собой обычную пастушью деревню. Деревня называлась Дехкат – Десять Холмов – и находилась у основания высокой горы, с которой была видна дорога, ведущая в Ходжент. Многие из полководцев, включая неугомонного Камбара Али, не пожелали жить среди овечьих отар, не имея возможности ходить в набеги, поэтому они выпросили у Бабура разрешение провести зиму в родном Андижане. Он не стал их удерживать.

К счастью или к несчастью, Бабур обладал даром жить настоящей минутой. Пережив полное поражение в Самарканде, который им с матерью пришлось покинуть тайком,

среди ночи, украдкой пробираясь по берегам арыков, он был способен наслаждаться возможностью пустить коня в галоп, едва дорога стана различима при свете наступающего дня. Теперь, в изгнании, он занимал себя, разъезжая по окрестным горам.

«Хотя жители Дехката – сарты, оседлые, но они, как и тюрки, разводят овец и коней. В этом селении мы расположились в домах крестьян; я стоял в доме тамошнего старосты. Пожилой это был человек, лет восьмидесяти, но его мать была еще жива; очень долговечная женщина, ста одиннадцати лет. Когда Тимур-бек ходил походом в Хиндустан, кое-кто из родичей этой женщины ушел в его войско. Это сохранилось у нее в памяти, она сама рассказывала».

Питая склонность ко всякого рода математическим подсчетам, Бабур пришел к выводу, что жительнице горных пастбищ было около пяти лет, когда состоялся индийский поход Тимура, – столько же, сколько было и ему, когда он впервые увидел на стенах самаркандского дворца картины, повествующие о Тимуровых победах. Это совпадение могло показаться призрачным намеком на славу, которой он лишился, но Тигр ни на минуту не задумывался об этом. На тот момент у него не было никаких планов на будущее. Поэтому он с увлечением занялся подсчетом потомков столетней женщины.

«В одном только Дехкате жило детей этой женщины, ее внуков, правнуков и прапра-внуков девяносто шесть человек; вместе с умершими ее потомков считали почти двести человек. Внук ее внука был молодым человеком двадцати пяти или двадцати шести лет с большой черной бородой».

Как всегда, Бабур с удовольствием бродил по горным тропам, частенько заводя беседы с отшельниками.

«Чаще всего я гулял босой. От долгого хождения босиком ноги у меня так загребели, что ни скалы, ни камни на них не действовали. Однажды во время такой прогулки, между полдневной и вечерней молитвой, мы встретили на узкой тропе человека, который гнал перед собой корову. Я спросил крестьянина: «Как пройти к большой дороге?» – «Следите, куда пойдет эта корова, не упускайте ее из вида, она как раз и дойдет до большой дороги». Ходжа Асадулла, который был при мне, сострил: «А вдруг корова заблудится?»

В ту зиму некоторые из наших воинов попросили разрешения уйти в Андижан. Касим-бек настоятельно убеждал меня: «Раз уж эти люди едут в Андижан, пошлите Джахангиру-мирзе в подарок что-нибудь из ваших вещей». Я послал свою горностаевую шапку. Касим-бек снова начал меня уговаривать: «А что плохого, если послать что-нибудь также и Танбалу?» Я не соглашался, но после повторных настояний Касим-бека Танбалу был послан закаленный широкий меч, который Кукулдаш велел выковать в Самарканде, а я взял себе. Это был тот самый меч, который опустился мне на голову, как будет упомянуто далее.

Спустя несколько дней моя бабушка Исан Даулат-биким, которая после нашего ухода из Самарканда осталась там, прибыла вместе с находившимися при ней домочадцами и родичами, отощавшими и голодными».

Прибытие престарелой бабушки говорит о том, что Бабур слышал самаркандские новости.

«Шейбани-хан, перейдя по льду через реку возле Ходжента, разграбил окрестности Шахрухии и Бишкента. Как только пришли об этом известия, мы тотчас выступили в поход, невзирая на малочисленность наших людей, и направились к селениям, находящимся ниже Ходжента по течению реки... Было очень холодно. В этих местах постоянно, не ослабевая, дует сильный ветер из Хай-Дервиша [по легенде, этот ветер дует на караванной дороге в

пустыне, где однажды заблудилась группа бродячих дервишей, которые кричали «Хай!», окликая друг друга]; стужа стояла такая, что за эти два или три дня погибли от холода два или три человека.

Мне понадобилось совершить омовение. В одном арыке вода у берегов покрылась льдом, но посередине из-за быстрого течения не замерзла. Я вошел в арык и совершил омовение и окунулся шестнадцать раз. Холодная вода сильно на меня подействовала.

На рассвете мы переправились по льду через реку возле Ходжента. Оказалось, что Шейбани-хан, разграбив окрестности Шахрухии, ушел».

Во время обратного перехода через заснеженные вершины Бабуру пришлось пережить боль утраты. Нойон Кукулдаш, один из его ближайших друзей, отстал от своих товарищей, чтобы принять участие в местном празднике, на котором состоялся пир в его честь. Во время него он погиб при загадочных обстоятельствах. Опечаленный Бабур подозревал, что к смерти его друга был причастен изворотливый молодой катамит, затаивший смертельную обиду на Кукулдаша. Как бы то ни было, теперь его друг лежал под мерзлой землей, и Бабур с трудом заставил себя произнести свое обычное «Так было суждено!».

С приходом весны холода пошли на убыль. Однажды утром, когда Тигр развлекался, наблюдая за работой каменщиков, высекавших на скале у истока ручья строки философских стихов, ему донесли, что на дороге снова видели узбеков, направлявшихся в сторону деревни. После бессмысленной гибели Кукулдаша это известие вызвало в его душе целую бурю чувств. «Мне пришло на ум: «Жить так, скитаясь с горы на гору, без дома и крова, не имея ни земель, ни владений, не годится. Пойдем лучше к хану в Ташкент». Так говорил я себе. Касим-бек очень возражал против этого. Он предал казни трех или четырех моголов, как уже упоминалось. По этой причине он не решался идти к их товарищам. Я долго его уговаривал. В конце концов он покинул меня и направился со своими братьями и приближенными в Хисар... Я же отправился в Каменный город к хану».

Начиналось лето 1502 года. Бабур отложил свой отъезд до окончания ритуальных празднований, завершающих месяц поста Рамазан. Лишь немногие из приближенных выразили желание сопровождать его в пути. Не имея достойного подарка, который он мог бы преподнести своему дяде, Бабур написал и тщательно отделил рубаи¹⁷, начинающееся словами: «Никто не вспоминает о человеке в беде...»

Он и сам не знал, какой помощи ждать от хана.

---

¹⁷ Р у б а и – в поэзии Востока четверостишие афористического типа (рифмуются 1-я, 2-я и 4-я строки).

Под знаменами Чингисхана

Махмуд-хан проявил подобающее своему положению гостеприимство и устроил племяннику самый сердечный прием. Хотя номинальный предводитель монголов и сам баловался стихосложением, однако на поднесенное Бабуrom четверостишие он из осторожности не ответил. «Его владение поэтическими образами кажется довольно убогим», – записал униженный Бабур.

Такую же осторожность дядя проявил и в обсуждении нового плана Бабура, который предложил сообща возглавить армию монголов, чтобы наказать и уничтожить непокорного Танбала – гораздо более легкого противника по сравнению с прославленным Узбеком. Это предложение Махмуд-хан вроде бы одобрил, однако истинные причины своего согласия оставил при себе. По случаю выступления в поход хан организовал настоящую церемонию. Бабур невольно стал участником старинного ритуала благословения военных знамен.

«Между Бишкеком и Самсираком произвели смотр войску. По монгольскому обычаю распустили знамена. Перед ханом водрузили девять знамен со свисающими с них конскими хвостами. Один из моголов привязал к бедренной кости быка, которую держал в руке, длинное белое полотнище, другой привязал еще три длинных полотнища к верхним концам трех знамен чуть ниже конских хвостов и расстелил их по земле. На конец одного полотнища ступил ногой хан, на конец другого его сын, а на конец третьего я. Первый могол, держа в руках бычью кость с привязанным к ней полотнищем, что-то сказал по-могольски, глядя на знамена, и подал знак. Хан и все те, кто стоял подле него, взяли чаши с кумысом и выплеснули понемногу в сторону знамен. Заревели трубы, ударили барабаны, воины в строю все как один трижды испустили боевой клич, потом сели в седла и трижды проскакали галопом вокруг знамен.

Как установил Чингисхан свои правила, так моголы до сих пор их соблюдают. Каждый занимает то место, которое занимал его предок, – на правом крыле, на левом крыле или посередине...

На следующее утро великий круг снова был выстроен – на этот раз для охоты».

Бабур не испытывал интереса к старозаветным обычаям степного воинства. На ритуале он присутствовал в качестве почетного гостя, так как был внуком Юнус-хана. Первый раз в жизни он отстал от мчавшихся по степи охотников и занимался сочинением газели¹⁸, начавшейся двустишием:

Не нашел я верного друга, кроме собственной души,
Не нашел я поверенного тайн, кроме собственного сердца.

Непонятно, почему его так огорчила пропажа золотой пряжки от пояса, которая была украдена у него на стоянке. Когда на следующий день после пропажи обнаружилось, что из лагеря убежали два монгола, он не сомневался, что именно они и были ворами, но никому не сказано об этом происшествии. Он начал понимать, что поход был всего лишь парадом, затеянным ему в угоду. «Хан, – записал он, – крепости не взял, врага не разбил: как пошел, так и вернулся».

Возвратившись в Каменный город, Тигр уже не восхищался его благоустроенностью. Крупнейший из городов равнины раскинулся между рукавами рек; пришельцы из чужих

---

¹⁸ Газель – монорифмическое лирическое стихотворение, включающее от 5 до 12 двустиший (бейтов).

стран толпились в просторной Джума-мечети. Однако город этот больше ничего не значил для Бабура. Услышанное издали пение погонщиков караванов, пришедших сюда из Самарканда, звучало для него насмешкой. Покинув Каменный город, тяжело груженные караваны направлялись дальше – на восток, где голубела горная гряда и начинался Великий северный путь в Китай. В Каменном городе не было и следов грабежей; в него не съезжались ученые, которые стали бы сердцевиной его существования. Пригородные пастбища для лошадей и рогатого скота изобиловали животными; горожане питались хорошим мясом, сушеными фруктами и свежее испеченными мучными лепешками; вместо поэтов, во всеуслышание воспевающих радости жизни, на улицах города завывали нищие, но у Тигра не было монет, чтобы бросить им. Когда он направлялся в ежедневный диван¹⁹ к хану, его сопровождало всего двое или трое приближенных. Он пребывал в ничтожестве.

Как обычно, он жаждал вскочить в седло и бежать от этого унижения. Он не мог перенести, что его бедность стала для всех очевидной. Ему хотелось уехать куда-нибудь в захолустье, где никто не знал бы, кто он такой. Наблюдая за груженными караванами, отправляющимися в Китай, он всей душой рвался уйти вместе с ними. И, как обычно, вел сам с собой нескончаемые споры, чтобы прийти к какому-то решению. Разве он не мечтал всю жизнь о путешествиях, от которых его удерживал только сан правителя Ферганы, сына Омар Шейха? Теперь это уже позади; его мать, вместе со своей матерью и его младшим братом находятся в безопасности, так же как и его младшие сестры. А старшая сестра, – к счастью или к несчастью, – в руках Шейбани-хана.

Воспоминания о Шейбани подсказали ему предлог, позволяющий расстаться с дядей, – что было совсем непросто, поскольку считалось, что Бабур стал членом ханской семьи. Он не мешкая отправился к своему правоверному религиозному наставнику, ходже Макараму, чтобы вместе с ним подобрать веские основания для отъезда. Узбек Шейбани был врагом тюрку Бабуру в той же степени, как и монголу Махмуду; необходимо было немедленно принять решительные меры, чтобы не дать ему времени укрепить свою власть. Разве не разумнее затушить огонь, не дожидаясь, пока пожар разгорится? Бабур поспешил сложить стихи, доступные для дядиного понимания. Они заканчивались двустушием:

Не жди, пока враг нацелит стрелу в тебя,
Если сам можешь пустить в него стрелу.

Все шло как надо. Что же до мнимой цели поездки, то Бабур собирался сказать, будто направляется ко двору другого дяди – младшего из ханов, жившего в восточных областях. Бабур никогда с ним не встречался и – согласно своей легенде – хотел пригласить его в Каменный город и попросить помощи в борьбе с узбеками. Земли младшего дяди лежали на пути в Китай. О своем намерении отправиться в эту страну Бабур не сообщил никому, – кажется, даже ходжа Макарам ничего не знал об этой затее. Мать Бабура не стала бы даже слушать его, а последние приближенные немедля разбежались бы, посвяти он их в свои планы.

Усилия, затраченные Тигром на эту запутанную интригу, особым успехом не увенчались. Ходжа Макарам почтительно сообщил о замысле Бабура уехать из Ташкента матери Махмуда, сообразившей, что хану тоже будет интересно об этом услышать. Тот услышал и призвал ходжу, чтобы спросить у него: неужели Бабура приняли настолько негостеприимно, что он намеревается уехать таким образом? Не на шутку разобиженный хан отказался дать своему племяннику разрешение на отъезд.

---

¹⁹ Д и в а н – присутственное место для правителя и его приближенных, государственный совет. Слово в переводе с персидского означает «собрание».

Побег в Китай был на неопределенное время отложен. Дальнейшие события вынудили Бабура отказаться от этого замысла. «Мой план ни к чему не привел», – откровенно признается Бабур в своей книге. Но тут с Великого северного пути прибыл гонец с сообщением о том, что младший хан Алаша – по прозвищу Смертоносный – направляется в Каменный город. В соответствии с принятыми установлениями вслед за первым явился второй гонец, пояснивший, что в настоящий момент Алаша-хан находится в непосредственной близости от города.

Вряд ли это можно объяснить простым совпадением. Скорее всего, старший хан обдумал предложения Бабура насчет узбеков и пришел к тем же выводам, которые Бабур использовал в качестве предлога для своей поездки: было ясно, что братьям следует встретиться и совместными силами принять меры к непредсказуемому Танбалу, не забывая при этом о собственной выгоде.

Вероятно, Бабур и на этот раз не задумался об истинных причинах вышеупомянутых событий. В те годы он не был склонен к подобным размышлениям. Судя по всему, прибытие младшего хана он воспринял как счастливую случайность и, как обычно, поспешил на этом сыграть.

В Каменном городе царило невероятное оживление. Уже двадцать пять лет Алаша не удостаивал его своим появлением и пропадал в своих богом забытых владениях, расположенных в отрогах величайших гор, – там, где Гиндукуш соединялся с простирающимися на восток плато Тибета и Тянь-Шаня, который в Китае называли Небесными горами. Принадлежащие Алаше степи считались страной монголов, а свое прозвище Смертоносный получил после того, как в хорошо продуманных сражениях разгромил темных казахов, отделившихся от узбекской орды. Несомненно, он был представителем истинного Востока – родины их великого предка, находящейся в той части земли, где восходит солнце. Именно Алаша стал подлинным наследником Чагатая, тогда как Махмуд только числился им, пользуясь возрастным преимуществом. Какова свита Анаши и на каком расстоянии от города он находится? Мать обоих ханов развила бурную деятельность и приказала начать приготовления к празднествам и позаботиться о покоях для прибывающих и о прислуге для них, после чего сама собралась в дорогу в сопровождении своих дочерей и сестер. Согласно монгольскому обычаю, почет, оказываемый гостю, измерялся расстоянием, на которое хозяин удалялся от дома, чтобы приветствовать прибывшего.

Высокопоставленные женщины двинулись в путь, но Бабур опередил их. Инстинкт подсказывал ему, что он должен успеть и первым встретиться со своим незнакомым родственником. Он пишет, что оставил женщин в деревне, а сам якобы отправился посетить некие гробницы и осмотреть окрестности.

«Не зная наверное, что мой дядя, младший хан, сейчас прибудет, я быстро выехал на коне, и вдруг встречаю хана; они только что стали лагерем. Я подъехал к ним. Когда я сошел с коня, младший хан, мой дядя, сразу все понял и очень взволновался: вероятно, он думал разбить где-нибудь лагерь, усесться и торжественно со мной поздороваться... но... обстоятельства этого не позволили. Поклонившись, я подошел и поздоровался. Хан, взволнованный и смущенный, тотчас приказал своим сыновьям Султан Саид-хану и Баба-хан-султану сойти с коней и поздороваться со мной, преклонив колени. Из сыновей хана прибыли только эти двое, им было лет по тринадцать – четырнадцать. Поздоровавшись с ними, я сел на коня, и мы отправились к Шах-биким [матери]. После того как младший хан поприветствовал своих сестер, все они сидели до полуночи, беседа о былых делах и минувших событиях.

Младший хан был сильный и смелый человек, его излюбленным оружием был меч. «Булава или боевой топор, раз ударив, поражают одно место, а меч рассекает с головы до ног», – говаривал он. Он полагался на свой меч и никогда не расставался с ним, тот

либо висел у него на поясе, либо находился в руке. Выросши на далекой окраине, он был несколько неотесан и грубоват в речах».

Однако этот любитель монгольских традиций не мог смириться с тем, что встреча с племянником не носила торжественного характера. На следующий день Бабур получил от него подарки в сугубо монгольском духе, на которые ему нечем было ответить.

«Он пожаловал мне свое личное оружие, платье, кушак и оседланного коня из своей личной конюшни, а также полный наряд монгольского образца – монгольскую шапку, халат из китайского шелка, весь украшенный вышивкой, и китайский пояс со старинного образца сумкой для кремня и кошелька. Сумка висела с левой стороны, а справа повесили мешочек с женскими побрякушками вроде коробочки для благовоний».

Тем временем старший хан преодолел разделявшие их двенадцать миль и позаботился о том, чтобы встретить брата со всеми полагающимися церемониями, чтобы вернувшийся в родные края монгол остался доволен. Махмуд с достоинством устроился на коврах в беседке, установленной возле дороги.

«Младший хан подъехал к старшему спереди, потом сделал возле него круг, двигаясь справа налево, и спешил перед ним; подойдя на должное расстояние, девять раз преклонил колени, а после этого встал и подошел, чтобы обняться с братом. Старший хан тотчас встал: они поздоровались и долго стояли обнявшись. Отступая назад, младший хан снова девятикратно преклонил колени; поднося подарки, он тоже много кланялся. Затем он подошел к старшему хану, и оба сели... В упомянутом выше могольском наряде я вернулся вместе с моим дядей, младшим ханом, в Каменный город. Ходжа Макарам не узнал меня и спросил: «Они какой султан будут?» Он узнал меня, лишь когда я заговорил».

По правде говоря, Тигр плохо разбирался в традициях своих предков, и судя по всему, его дяди позаботились о том, чтобы он остался в таком же неведении относительно их местных планов. Его позабавил праздник по монгольскому обычаю, который они устроили по поводу своего воссоединения, проведя смотр войскам. Во время парада Тигр заметил, что младший хан привел только две тысячи воинов, в то время как общая численность участников смотра превышала тридцать тысяч вооруженных всадников. Это свидетельствовало, что силы старшего хана полностью соответствовали его власти; объединив усилия, братья легко могли сокрушить любое сопротивление со стороны Танбана, и они пообещали вышвырнуть мятежного бека из Ферганской долины.

Польщенный Бабур получил под свое начало передовой отряд войска. Ему не пришло в голову, что подчиняющиеся ему всадники выполняют его приказы лишь по распоряжению обоих ханов, которых больше не было рядом с ним.

Стрелы в темноте

Очевидно, Тигр не стал терять времени и переправился через реку Сыр, воды которой отделили его от не в меру осторожных родственников, продвигавшихся вдоль северного берега к хорошо укрепленному лагерю Танбала. Тот ожидал их появления и принял соответствующие меры предосторожности. Оба хана, похвалявшиеся наголову разбить Танбана, заняли выжидательную позицию.

Чего нельзя сказать о Бабуре. Получив полную свободу действий, он со своим летучим отрядом пронесся по южному берегу реки и на рассвете занял ближайший город, захватив врасплох его гарнизон, – к полному восхищению горожан. Население долины скорбело о его отсутствии, и теперь – уже не в первый раз – по караван-сараям, мечетям и городам начало распространяться известие о его приближении; крепости открывали перед ним ворота, а кочевники седлали коней, чтобы присоединиться к его войску, и даже прежние вассалы решались привести к нему своих приближенных. В конце долины его ждал Андижан, оставленный Танбалом. Естественно, Бабур стремился без промедления вступить в свой родной город, не задумываясь о том, что его смешанное войско укомплектовано не только жителями Ферганы, но и чужестранцами-монголами.

«Мне пришло на ум, что если как-нибудь ночью мы подойдем к Андижану, пошлем туда человека и сговоримся с Ходжой и знатными людьми города, они, может быть, впустят нас с какой-нибудь стороны. С таким намерением мы выехали из Оша и в полночь пришли на стоянку напротив Чил-Духта-рана, в одном курухе от Андижана.

Камбар Али-бека и еще некоторых беков отрядили вперед, чтобы они осторожно послали в крепость человека и сговорились с Ходжой и знатными горожанами. Ожидая посланных беков, мы сидели на конях; некоторые дремали, другие погрузились в сон. Внезапно раздался грохот барабанов и крики. Не зная, много ли врагов и где они, мои люди, разомлевшие и сонные, вместо того чтобы подпустить неприятеля поближе, в страхе обратились в бегство, каждый сам по себе. У меня не было времени возвращать их, я поскакал навстречу врагам в сопровождении всего трех всадников. Я проехал небольшое расстояние, и тут нападающие ринулись на меня, крича и пуская стрелы. Какой-то человек на коне с белой отметиной на лбу подскакал ко мне вплотную; я пустил стрелу в коня, конь рухнул на землю. Те трое, что были со мной, сказали: «Ночь темная, много ли, мало ли врагов – неведомо. Все наши воины убежали, а от нас четверых какой может быть вред врагу? Надо нагнать беглецов, а потом драться».

Мы вскачь настигли наших людей и принялись их лупить и хлестать, но что мы ни делали, люди не собирались. Мы четверо снова вернулись и стали пускать стрелы; враги немного приостановились. Увидев раз или два, что нас трое-четверо, не больше, они снова начали гнать наших, сбивая их с коней. Таким образом я три или четыре раза пытался удержать наших людей, но они не останавливались и я снова возвращался с теми тремя, пуская стрелы и отгоняя врагов.

Наших людей гнали два или три куруха, до холмов, что напротив Харабука и Паша-муна. Достигнув этих холмов, мы встретили Мухаммеда Али Мубашира. Я сказал: «Их немного, остановимся и пустим на них коней». Мы пустили коней вскачь; когда мы подскакали, враги остановились.

Мои беглецы стали возвращаться с разных сторон; однако некоторые вояки проскакали, убегая, до самого Оша.

Вот как это произошло: несколько моголов из тумана Айюб Бекчика, покинув нас в Оше, отправились в окрестности Андижана, чтобы пограбить. Услышав топот коней нашего войска, они осторожно пробрались вперед и выкрикнули свой уран. В этом походе услов-

ными словами урана были «Ташкент» и «Сайрам». Во время свалки впереди был ходжа Мухаммед Али [вероятно, библиотекарь Бабура]. Моголы подходили, крича: «Ташкент, Ташкент!» Ходжа Мухаммед Али, человек из сартов, был сильно возбужден и тоже закричал: «Ташкент, Ташкент!» Моголы подумали, что это враг, подняли крик, забили в барабаны и стали пускать стрелы.

Задуманный план не удался, мы повернули назад и воротились в Ош».

Так ложная тревога сбила Бабура с толку, и его первая попытка прорваться к столице, где он не бывал уже несколько лет, потерпела неудачу. Вскоре ему пришлось пережить настоящую тревогу. И это снова вывело его из равновесия.

Услышав о том, что к Андижану приближается войско монголов, мятежный Танбал конечно же устремился обратно, чтобы подготовить оборону города. По дороге его армия была сильно ослаблена дезертирами, – солдаты переходили на сторону монголов, чтобы присоединиться к Бабуру, популярность которого по-прежнему росла. Сам Бабур настаивал на немедленном штурме, надеясь, что все это скопище беглецов и дезертиров сумеет прорваться в какие-нибудь из городских ворот; его смогли остановить только возражения опытных военачальников, которые были против ночного штурма укреплений. Бабур не был согласен с ними, но, как обычно, подчинился требованиям старших. В характерной для себя манере он отметил, что отводить монгольских всадников из пригородов, чтобы разместить их на ночлег, было ошибкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.